

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра английской филологии и перевода

КОЗЫРЕВА Наталия Владимировна

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ИРОНИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И ПЕРЕВОД

(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Магистерская диссертация

Научный руководитель:

д. ф. н., проф. Казакова Т.А.

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

Данная выпускная квалификационная работа посвящена способам выражения **иронии** в художественном произведении в контексте перевода.

Ирония как важная характеристика речевого поведения находится в русле исследований современной лингвистики и в последние десятилетия неоднократно становилась объектом исследований зарубежных и отечественных лингвистов и переводоведов, чем обусловлена **актуальность** данной работы. Общепринятым является мнение о том, что ирония представляет сложность при переводе в силу различий в средствах создания иронического смысла, принятых в разных лингвокультурах.

Цель работы – изучение языковых средств выражения иронии в современном британском романе, описание особенностей ее актуализации в исходном и переводном текстах. Данная цель обусловила следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть существующие подходы к изучению иронии;
- 2) выявить механизмы, лежащие в основе функционирования иронии;
- 3) проанализировать выявленные примеры иронии при сопоставлении текстов оригинала и перевода и охарактеризовать средства реализации приема иронии в художественном тексте;
- 4) обобщить результаты анализа для выведения закономерностей перевода иронии с английского на русский язык.

Для достижения поставленных задач в работе использовались следующие **методы** исследования: методы контекстуального и прагматического анализа, метод лингвостилистического описания; сравнительно-сопоставительный метод, метод переводоведческого анализа.

Объектом исследования выступает прием иронии, который рассматривается в многообразии проявлений своих семантических, прагматических и когнитивных характеристик. **Предметом** исследования являются особенности реализации иронии в художественном тексте и его переводе.

Теоретической основой исследования послужили положения лингвистических и литературоведческих теорий описания иронии (D. Sperber, D. Wilson, G. Clerk, R. Gerrig, W. C. Booth, D. C. Muecke и др.).

Материалом исследования послужили современные англоязычные романы «Одержимый» М. Фрейна и «История мира в 10 ½ главах» Дж. Барнса, а также их переводы на русский язык, выполненные, соответственно, К. Н. Корсаковым и В. О. Бабковым.

Структура работы носит традиционный характер: исследование состоит из введения, двух глав с выводами, заключения и списка литературы.

В первой главе содержится обзор существующих концепций иронии и анализ роли оценочности и контекста в создании иронического смысла, а также трудности, связанные с переводом иронии и приемы ее передачи.

Во второй главе представлен анализ примеров иронии, выявленных в современных британских романах, и дается характеристика средств создания иронического эффекта, а также переводческих стратегий, используемых для перевода иронии на русский язык.

Заключение содержит суммарные выводы по работе.

Глава I. Ирония в лингвистических теориях. Аспекты иронического смысла

Ирония – многоликий феномен языка и культуры. Ирония изучается с разнообразных точек зрения и в разных аспектах: она рассматривается как троп, вид комического, особая модальность, форма языковой игры, интеллектуальная эмоция, мировоззренческая позиция и так далее. Она представляется интуитивно понятным любому носителю языка экспрессивным языковым средством, но вместе с тем определение иронии как понятия представляет для исследователей большую трудность.

Интерес к иронии как языковому явлению возник еще в античности, однако она до сих пор вызывает разногласия, причем в последние десятилетия активно развиваются конкурирующие теории иронии.

Вероятно, одна из сложностей изучения иронии связана с тем, что это понятие подвержено изменению. Ирония – понятие, объем и форма реализации которого трансформируются в ходе исторического развития. К. Коулбрук, проследившая историю иронии от Аристотеля и до наших дней, отмечает значительные изменения этого понятия в европейской культуре (от сократовской иронии до таких историко-культурных типов иронии, как романтическая ирония и, наконец, ирония постмодернизма) (Colebrook: 1–13). Более того, в настоящее время в американском варианте английского языка понятие «ironic» претерпевает семантический сдвиг, в результате чего наблюдается тенденция к использованию «sarcastic» вместо «ironic» (Attardo 2013: 40).

В то время как большинство лингвистических работ, посвященных этому феномену, ограничиваются рассмотрением вербальной иронии, наряду с ней выделяются другие типы – главным образом ситуативная, драматическая и сократическая ирония. Понятие ситуативной иронии, или иронии судьбы, употребляется применительно к событиям, которые воспринимаются как ироничные, например, возгорание на пожарной станции, в результате которого

она сгорает дотла (Attardo 2000: 794). Драматическая ирония часто используется в качестве текстообразующего элемента в художественных произведениях, в которых в результате заблуждения или незнания персонаж совершает роковую ошибку. Читатель (или зритель, если речь идет о театре) зачастую имеет преимущество перед персонажем и раньше осознает иронию ситуации. Некоторые исследователи выделяют еще одну разновидность литературной иронии, которая присуща произведениям, где повествование ведется от лица «ненадежного рассказчика» («unreliable narrator»), не способного верно оценить происходящее, например, ребенка или очень наивного персонажа, при этом читатель имеет возможность читать между строк и реконструировать то, что происходит в действительности (Wales: 240). Наконец, сократической иронией называют способ ведения диалога, когда ироник притворяется невеждой, чтобы продемонстрировать ложность мнения собеседника (Attardo 2000: 795).

В литературе наблюдается тенденция считать такие разновидности иронии особым, отдельным от лингвистической иронии, явлением. Даже вербальная ирония представляется некоторым авторам настолько разнородным феноменом, что они выражают сомнение в возможности создания единой теории иронии (Sperber, Wilson, 2012: 128). Вместе с тем существует точка зрения, согласно которой исчерпывающее описание языковой иронии требует рассмотрения всего спектра явлений, объединяемых этим названием (например, Clift 1999).

Существует целый ряд теорий иронии, от традиционного семантического подхода, восходящего к античности, до современных подходов, которые при объяснении иронии склонны ориентироваться на прагматический или когнитивный аспекты. Мы перейдем к рассмотрению некоторых из них и на этой основе попытаемся сформулировать рабочие критерии для выявления иронии, которым будем руководствоваться во второй главе.

1. Лингвистические теории иронии

1.1. Традиционный взгляд на иронию и его критика

В рамках традиционного семантического подхода, берущего начало от классической риторики, ирония рассматривается как троп, который заключается в использовании высказывания в значении, противоположном буквальному. Таким образом, противопоставляются внешнее значение высказывания (буквальный смысл) и подразумеваемое значение: «Традиционно ирония определяется как использование выражения с целью передать противоположное тому, что утверждается¹» (Concise Encyclopedia of Pragmatics: 406). Операция отрицания позволяет реконструировать подтекст. Определения, включающие указание на функцию иронии, говорят о том, что она выражает осуждение или насмешку. Так, И. В. Арнольд называет иронией «выражение насмешки путем употребления слова в значении, прямо противоположном его основному значению, и с прямо противоположными коннотациями, притворное восхваление, за которым в действительности стоит порицание» (Арнольд 2002: 66). Если исходить из последнего определения, единица иронии – это слово, но, как мы увидим в дальнейшем, этот подход слишком ограничен. Другие определения предполагают более крупные единицы выражения иронии вплоть до целого текста, например: «Ирония – один из видов языковой манипуляции, которая заключается в употреблении слова, выражения или целого высказывания (в том числе и текста большого объема) в смысле, противоречащем буквальному (чаще всего в противоположном) с целью насмешки» (Ермакова: 7).

Итак, традиционный подход видит в иронии противоположность между тем, что сообщается (буквальным значением высказывания, или экспликатурой), и

---

¹ In the traditional definition irony is seen as saying something to mean the opposite of what is said

тем, что подразумевается: интерпретация сообщения ироника² сводится к операции отрицания экспликации. Вместе с тем, как указывают критики этого подхода, во множестве случаев этот шаг не является ни достаточным, ни необходимым. Дэн Спербер и Дейдра Уилсон критикуют семантические теории иронии за прагматическую неадекватность: если сводить смысл иронического высказывания к его противоположности, в большинстве случаев такие высказывания оказались бы бессмысленными. Так, автор фразы *See what lovely weather it is*, произнесенной под проливным дождем, едва ли может ставить себе целью передать и так очевидную мысль, о том, что погода оставляет желать лучшего (*See what terrible weather it is*). Это замечание следует признать в целом справедливым, поэтому было бы правильнее сказать, что несоответствие высказывания ситуации сигнализирует адресату о том, что говорящий использует иронию. Кроме того, традиционный подход не объясняет, зачем адресант прибегает к такому изощренному методу: вместо того чтобы прямо выразить свою мысль, он произносит нечто противоположное или противоречащее ей, к тому же рискуя быть непонятым.

Пол Грайс приводит следующий пример: А и В идут по улице, и при виде машины с разбитым стеклом В произносит: *Look, that car has all its windows intact*. В ответ на недоумение А он поясняет: *You didn't catch on; I was in an ironical way drawing your attention to the broken window* (Grice: 54). Высказывание В удовлетворяет требованиям традиционной теории иронии, но при этом не является ироничным, из чего становится очевидно, что классический подход не способен объяснить сущность феномена иронии. П. Грайс объясняет это тем, что в нем в недостаточной степени учитывается ценностный компонент иронического высказывания: для него ирония неразрывно связана с выражением оценки или отрицательного отношения к какому-либо явлению.

---

² В литературе, посвященной иронии, ироником называют автора иронического высказывания.

Еще один недостаток теории иронии как отрицания заключается в том, что она не объясняет некоторые частные типы иронических высказываний. Так, существуют случаи иронии, применительно к которым операция отрицания в качестве средства декодирования подтекста будет явно неуместной (во всяком случае, на уровне семантики высказывания), и нельзя утверждать, что какие-то из содержащихся в них слов используются в противоположном значении. К ним относятся:

- 1) примеры, в которых говорящий высказывает мнение, не противоречащее его собственным убеждениям: *I love children who are tidy* (замечание матери, которая входит к детскую, где царит беспорядок). Сюда же можно отнести иронические преуменьшения: *You can tell he's upset* (о человеке, который разъярен и устраивает сцену на публике);
- 2) ироническое восклицание (*Ah, Tuscany in May!* при проливном дожде): восклицательное предложение нельзя подвергнуть отрицанию как не содержащее пропозиции или преобразовать в противоположность (автор не имеет в виду **Tuscany in December!*);
- 3) случаи, когда ирония основывается на том, что утверждение говорящего содержит очевидную истину, как например, следующая реплика Барака Обамы: *I think it's important to realize **I was actually black before the election*** (www.theguardian.com). Этой фразой Обама отреагировал на несостоятельные с его точки зрения обвинения в расизме, прозвучавшие в адрес его критиков и американского электората в целом.

Следует упомянуть и о том, что некоторые исследователи приводят примеры иронических высказываний, не имеющих целью выразить отрицательное отношение. Хотя прототипический случай иронии действительно представляет собой критику под видом похвалы, возможны и случаи иронической похвалы, которая подается в виде критического замечания. Например, гость комментирует изысканные блюда, поданные хозяйкой дома, следующим образом: *Once again*

something simple out of a can (Kotthoff 2003: 1390). В этом примере притворная критика на самом деле играет роль комплимента. Анализ подобных примеров наряду с реакцией адресатов позволяет Хельге Коттхофф заключить следующее: главным, что сообщается в ироническом высказывании, является расхождение в оценочности между буквальным смыслом и подтекстом («a gap in evaluative perspective», «an evaluation gap») (ibid.).

Наконец, по мысли Уэйна Бута, ирония значительно глубже, чем употребление слова в противоположном смысле, и создает намного более насыщенные смыслы, чем «перевод» иронического высказывания на буквальный язык; такое перефразирование не может быть полным (Booth: 39).

Продолжающие работать в русле традиционного подхода авторы, реагируя на критику, расширяют спектр смыслов, подвергаемых отрицанию для реконструкции подтекста: это может быть как пропозиция, содержащаяся в высказывании, так и одна из его импликаций.

Рахель Гиора разработала теорию иронии как особого вида отрицания, при котором не используются эксплицитные негативные маркеры. Ироническое высказывание описывает ожидаемое или желательное положение вещей и служит указанием на то, что реальное положение вещей ему не соответствует. Р. Гиора акцентирует внимание на том, что ирония не отменяет буквального значения высказывания, а также не обязательно подразумевает противоположное ему значение: в ироническом высказывании объединены эксплицитное и имплицитное содержание, так что смысл складывается из разницы между ними. Например, значение фразы *What a lovely party!*, высказанной на скучной вечеринке, заключается в том, что вечеринка не соответствует ожиданиям (Giora 1995: 240).

Поверхностное значение высказывания (в терминологии Р. Гиоры «the marked utterance») не отбрасывается, а участвует в интерпретации высказывания: оно по контрасту указывает на то, что определенное положение

вещей далеко от ожидаемого или желаемого. Ироническое высказывание, как следствие, включает в себя и экспликатуру, и имплицатуру.

Маркер иронического высказывания – его неправдоподобность или несоответствие контексту. Например, как пишет Р. Гиора, ирония нарушает требование информативности, являясь либо чрезмерно, либо недостаточно информативной в сравнении с требованиями контекста. Подобная неуместность высказывания побуждает адресата к выстраиванию имплицатуры, часто критического характера, которая затем сравнивается с поверхностным значением высказывания (Giora 1995: 245-246). Например, на грубость можно отреагировать ироничной фразой *Thank you*. В таком контексте выражение благодарности указывает на несоответствие поведения принятым нормам и, следовательно, становится средством выражения упрека³.

Теорию Гиоры можно считать продолжением традиционной точки зрения, однако включение в сферу иронического высказывания его импликаций позволяет объяснить ряд случаев иронии, которые обычно не охватываются традиционным подходом. Кроме того, Гиора делает акцент на оценочном компоненте иронического высказывания, основанного на представлении адресанта о нормальном или желательном положении вещей.

Несмотря на существенную переработку традиционной теории, некоторые исследователи считают, что ирония требует принципиально иного подхода. В результате поисков новой интерпретации этого феномена появилась теория Дэна Спербера и Дейдры Уилсон, которая предлагает видеть в иронии эхо, или отсылку к другому высказыванию или мысли.

1.2. Ирония как эхо

В качестве альтернативы семантическому подходу Д. Спербер и Д. Уилсон предложили собственное объяснение вербальной иронии, основывающееся на

---

³ Как пишет О. П. Ермакова, едва ли не любой речевой акт может приобрести ироническое звучание в соответствующих условиях (Ермакова 2006).

разработанной ими теории релевантности. Теория релевантности представляет собой попытку совместить идею коммуникации как кодирования и декодирования, с одной стороны, и, с другой стороны, представление о тексте как свидетельстве об интенции говорящего. Рассматривая сообщение как средство передачи интенции его автора, адресат пытается выявить наиболее релевантный смысл в условиях конкретного контекста. Изучение иронии в рамках теории релевантности привело к созданию принципиально новой теории, которая внесла значительное оживление в дискуссию, посвященную этому феномену.

Д. Спербер и Д. Уилсон находят серьезные недостатки в традиционном подходе к пониманию иронии, а также выступают с критикой в адрес теории П. Грайса об иронии как нарушении одной из максим: по их мнению, настолько распространенный феномен по определению не может быть девиантным. Как считают эти исследователи, явление вторичной номинации, к которому относятся метафора и ирония, не следует считать результатом нарушения языковых норм: восприятие образной речи подчиняется тем же правилам, что и восприятие «буквальных» высказываний: так, текст интерпретируется как иронический, если такое значение наиболее релевантно.

Сосредоточив внимание на прагматической функции иронии, Д. Спербер и Д. Уилсон выступили с теорией иронии как эха, или эхоического высказывания, согласно которой главным компонентом смысла иронического высказывания является эхо, или отсылка к некоему другому высказыванию или мысли. При этом автор иронического высказывания хочет так или иначе отстраниться от высказывания-антецедента, выразить неодобрение или насмешку⁴.

Если последователи П. Грайса считают, что автор иронического высказывания не осуществляет речевой акт, а лишь притворяется, что делает

---

⁴ Л. Хатчеон выделяет девять функций иронии, в том числе людическую функцию и функцию самозащиты (Hutcheon 2003: 45).

это, то Д. Спербер и Д. Уилсон в первоначальной версии своей теории сделали акцент на различии «use» и «mention»: иронизирующий «упоминает» (такое упоминание сродни цитированию) высказывание, выражая к нему отрицательное отношение (Sperber, Wilson 1981). Примером «mention» может послужить следующий диалог, один из участников которого иронически воспроизводит часть высказывания другого: *A: I'm really fed up with this washing up. B: You're fed up! Who do you think's been doing it all week?* (Concise Encyclopedia of Pragmatics: 338). В этом случае слова *You're fed up* являются таким «упоминанием» предыдущей реплики собеседника, имеющим целью передать возмущение В и поставить под сомнение правомерность жалобы А.

Позднее исследователи заменили понятие «mention», предполагающее достаточно точное цитирование высказывания или мысли, более широким понятием «interpretive use»: ироническое высказывание может отсылать не только к конкретному высказыванию, но также к общепринятой точке зрения или стереотипу, и способно представлять antecedent в значительно измененном виде. Наконец, мысль, к которой отсылает ироническое высказывание, приписывается другому человеку, определенному типу людей или людям в целом (ирония атрибутивна). Исследователи, рассматривающие иронию как эхо (Sperber, Wilson, Curoc и другие), связывают восприятие иронии с когнитивной способностью, которая позволяет осознать, что высказывание говорящего относится не к некоторому положению вещей в мире, а к чьей-либо мысли или мнению. Говоря в терминах когнитивных наук, иронизирующий не высказывает, а *метарепрезентирует* точку зрения. Кроме того, правильная интерпретация иронии адресатом требует от него, чтобы он смог определить источник «упоминаемой» в высказывании мысли. Следовательно, участники коммуникации должны обладать некоторым объемом общих знаний.

Таким образом, ирония отсылает к другому высказыванию, мысли (реальной или воображаемой), стереотипу, общепринятой точке зрения или

ценности, ожиданиям («standard expectations»), желательной ситуации. Целью иронии является выражение (негативного) отношение к «цитируемой» точке зрения, представлению, стереотипу.

Преимущество данной концепции заключается в том, что она способна объяснить ряд случаев иронии, которые представляют трудность для семантической теории. Исследователи убедительно показывают, что одно и то же высказывание, в зависимости от контекста, может быть как ироническим, так и буквальным. Наиболее убедителен аргумент о том, что наличие высказывания-антецедента делает возможным интерпретацию высказывания как иронического или повышает вероятность того, что оно будет воспринято как ироническое. Так, Д. Уилсон анализирует описанный выше пример П. Грайса *Look, that car has all its windows intact* и показывает, что он становится ироническим при наличии соответствующего контекста: если до этого говорящий высказывал неуверенность по поводу того, что в этом районе безопасно оставлять машины на улице, в то время как адресат уверял его, что нет никаких поводов для беспокойства (Wilson: 212). Таким образом, ироническое высказывание требует определенного сценария ситуации, из которого становится понятно, что говорящий отсылает адресата к некому высказыванию или мысли.

Существование эхоической иронии представляется неоспоримым, однако способность теории Д. Спербера и Д. Уилсон убедительно объяснить все случаи иронии вызывает сомнения. Например, интерпретация высказывания *Oh great. That's nice.* (в случае, когда произошло что-либо нежелательное) требует реконструкции исходного мнения или нормы, к которой оно отсылает, но в данном случае фраза кажется слишком общей, чтобы можно было восстановить такой антецедент (Partington 2006: 186).

Поиски подхода, обладающего большей объяснительной силой, привели к созданию альтернативных теорий иронии. Среди прочих бытует мнение о том, что ирония происходит из свойственной человеку склонности играть и надевать

маску (Leech 1969: 175). Такое представление легло в основу теории иронии как притворства.

1.3. Ирония как притворство

Теория иронии как притворства была предложена Гербертом Кларком и Ричардом Герригом. Данные авторы опираются на анализ иронии П. Грайса, который, как и авторы теории эхо, считал иронию тесно связанной с выражением отрицательного отношения к чему-либо или (негативной) оценки какого-либо явления, но также добавил крайне важное с их точки зрения замечание о том, что иронизировать – значит, в частности, притворяться. При этом, хотя ироник хочет, чтобы его притворство раскрыли, он не заявляет открыто о том, что притворяется. В качестве аргумента в пользу своей позиции Г. Кларк и Р. Герриг приводят этимологию слова ирония (греч. εἰρωνεία «притворное невежество»). По их мнению, тот факт, что говорящий, иронизируя, притворяется другим, объясняет то, почему люди не используют фразу «выражаясь иронически» (ср. «выражаясь метафорически»). В ответ на это можно возразить, что в разных языках существуют лексические маркеры иронии, например, «like» в американском варианте английского языка или «можно подумать» в русском, которые вводят иронию так же, как и «воздушные кавычки»: *Like I care* (Haiman 1998: 53).

Разъясняя, в чем именно состоит притворство иронии, Г. Кларк и Р. Герриг обращаются за ответом к Р. Фаулеру, который пишет о том, что ироническое высказывание предполагает две аудитории, одна из которых (А) разгадывает притворство, а другая (А₁), в силу наивности, принимает его за чистую монету: ироник S притворяется S₁, который обращается к А₁. В результате каждая из аудиторий интерпретирует высказывание особым образом, и между автором и теми, кто видит иронию, устанавливается особое взаимопонимание. Вторая из аудиторий может отсутствовать или вообще быть воображаемой, но аудитория

А, по Р. Фаулеру, принадлежащая к посвященным (inner circle), в соответствии с намерением ироника, должна видеть все: «притворство, неразумность S₁, невежество A₁, вытекающее из этого отношение S к S₁, A₁ и тому, что говорит S₁. S₁ и A₁ могут быть конкретными личностями... или людьми определенного типа» (Clark, Gerrig 1984: 122). S₁ – часто тип человека, который видит мир в розовом свете, который в своей близорукости становится, наряду с наивной аудиторией, жертвой иронии. Изображая свою жертву ироник, словно актер, говорит с соответствующей интонацией, преувеличенной или карикатурной.

Представляется, что, несмотря на заявления Г. Кларка и Р. Геррига об обратном, их анализ имеет много общего с теорией иронии Д. Спербера и Д. Уилсон в ее позднем варианте: обе теории исходят из того, что ироник не берет на себя ответственность за буквальное содержание своего высказывания – он произносит его не всерьез или цитирует чужую мысль. При этом притворщик использует идеи или мысли своего «персонажа», что не так далеко от творческого цитирования. Как притворство, так и свободное цитирование основываются на использовании чужой речи, т. е. на механизме метарепрезентации.

Анализируя иронию в сатирическом памфлете Джонатана Свифта «Скромное предложение», Г. Кларк и Р. Герриг доказывают, что теория иронии как эха не может объяснить механизм иронии в этом художественном произведении: вынесенное в заглавие книги предложение настолько абсурдно (оно заключается в том, чтобы кормить богатых англичан ирландскими детьми), что невозможно представить себе, чтобы кто-то на самом деле мог бы с ним выступить, и, как следствие, у предполагаемой цитаты нет источника. Если «Скромное предложение» Свифта считать случаем эхоической иронии, то абсолютно любой текст может быть интерпретирован как эхо, и тогда теория

---

5 «the pretense, S₁'s injudiciousness, A₁'s ignorance, and hence S's attitude toward S₁, A₁, and what S₁ said. S₁ and A₁ may be recognizable individuals... or people of recognizable types»

становится настолько расплывчатой, что теряет смысл.

В интерпретации Г. Кларка и Р. Геррига механизм реализации иронии в памфлете заключается в следующем: рассказчик, надевая на себя маску, выступает в роли представителя английского правящего класса, который обращается к своим соотечественникам, – произведение было написано, чтобы подвергнуть критике обращение англичан с ирландцами. Однако, предлагая такую интерпретацию, авторы в некотором смысле сами указывают на потенциальный источник «эха»: получается, что читателя отсылают к мнению определенной социальной группы, отношение которых к ирландцам доведено до абсурда.

Сходства в подходах Г. Кларка и Р. Геррига, с одной стороны, и Д. Спербера и Д. Уилсон, с другой, побудили некоторых исследователей попытаться объединить достоинства обоих подходов в одной гибридной теории («attributive-pretence accounts»), однако такие концепции не привнесли в изучение иронии принципиальной новизны.

Исследователь сарказма, родственного иронии явления, Джон Хейман рассматривает эти феномены как род театрального действия. По его мнению, есть нечто общее, что объединяет такие языковые явления, как сарказм, наигранность («affectation»), ритуальную речь и вежливую речь, и отличает их от метафоры. Таким обобщающим фактором является идея «раздвоенности говорящего» («the idea of the speaker as a divided self»), а точнее осознанной дистанцированности, отчуждения («alienation») говорящего от референтного содержания его высказывания. Говорящий отстранен от социальной роли, которую он исполняет (Дж. Хейман считает подобную отстраненность тождественной осознанию), и, следовательно, от экспликации (Haiman 1998: 10).

Отчуждение от себя заключается в том, что говорящий подавляет себя и вместо того, чтобы вести себя спонтанно и естественно, играет некую роль.

Таким образом, согласно Дж. Хейману, в основе теории иронии лежит представление о том, что говорящий может обладать «отчужденным я».

В работе, посвященной анализу сарказма, Дж. Хейман рассматривает это явление как один из видов иронии, и будет уместно привести некоторые из его замечаний относительно различий между этими двумя феноменами. Ирония может быть ненамеренной или проявляться в ситуации (ситуативная ирония); с другой стороны, сарказм как форма вербальной агрессии всегда имеет под собой намерение и возможен только в словесной форме. При этом ирония может быть релятивна по отношению к ценностям и имеет свойство допускать разные точки зрения, а сарказм всегда абсолютен. К этому списку следует добавить способность иронии в некоторых случаях сохранять двусмысленность. На последнее качество обращает внимание Алан Партингтон, замечая, что двойственность иногда делает иронию выгодной коммуникативной стратегией. Например, участник телепрограммы делает следующее заявление: *To my C-SPAN viewers: those of you who don't like me, please stop writing. (Laughter) I am very thin-skinned, and it really gets to me. (Laughter) Guarantees about 300 next week. (Laughter)* (Partington: 205). По мнению А. Партингтона, адресанту удастся одновременно передать и экспликатуру («Я очень чувствительный человек»), и импликатуру («Мне нет дела до критики в мой адрес»).

Дж. Хейман пишет о том, что, вне зависимости от целей, которые преследует говорящий, с лингвистической точки зрения он выполняет одновременно две вещи: он сообщает своим слушателям эксплицитное высказывание, но в то же время «обрамляет это сообщение дополнительным комментарием, “метасообщением”, с помощью которого он отстраняется от содержания сообщения, давая понять, что имеет в виду нечто прямо противоположное. С точки зрения Дж. Хеймана, из-за этого метасообщения сарказм переходит в плоскость абстрактного, поскольку прибегая к сарказму, мы используем язык, чтобы говорить не столько о мире, сколько о самом языке

(Haiman 1998: 12). Эксплицитное сообщение – в каком-то смысле, только носитель метасообщения: «Говоря прагматически, “метасообщение” – “Я презираю это сообщение (и любого, кто произнес бы его всерьез)” – это главное сообщение, которое хочет передать говорящий» (ibid.).

Ироническое высказывание выражает негативную оценку и вовлекает адресата в процесс со-конструирования оценочной позиции говорящего, поскольку она присутствует в высказывании только имплицитно. Таким образом, для того чтобы правильно интерпретировать содержание иронического высказывания, важно не столько понять, искренен ли адресант, сколько реконструировать те ценностные суждения, на которых основывается ирония.

Подводя итог, можно сказать, что ирония характеризуется двуплановостью, или двойным видением, поскольку в ироническом высказывании объединяются и одновременно противопоставляются две точки зрения. Сопоставление двух планов приводит к формированию оценочной составляющей иронического смысла.

Ирония может создаваться с помощью языковых средств разных уровней, которые позволяют выстроить соответствующий эффект двойственности. При этом имплицитный характер подлинного смысла иронии означает, что адресат активно вовлечен в процесс конструирования смысла.

Ирония может рассматриваться не только как характеристика текста, но и как результат его интерпретации адресатом. Когнитивные механизмы, которые делают возможным порождение и восприятие иронии, а также роль контекста как инструмента создания иронии и оценочный аспект иронии будут рассмотрены в следующей части работы.

2. Аспекты иронического смысла

2.1. Контекст как инструмент создания иронии

Контекст принимает непосредственное участие в формировании иронического смысла, причем его роль становится наиболее значимой в

письменных текстах и в особенности в произведениях художественной литературы, где организация контекста выступает в качестве основного фактора формирования иронии (Клименко 2007, Booth 1971).

Внимание исследователей направлено на изучение вербальной иронии на примере отдельных предложений, иногда диалогов и микроконтекстов, но такой подход критикуется как слишком узкий (Partington, Kotthoff): для правильной интерпретации иронии может требоваться широкий контекст, а для изучения восприятия иронии необходимо принять во внимание реакцию на нее участников коммуникации. Если речь идет о художественном или публицистическом тексте, то авторская ирония может развертываться в рамках всего текста, и тогда для ее оценки нужен мегаконтекст (Leech).

Линда Хатчеон считает, что ирония неразрывно связана с контекстом, в котором она реализуется. По мнению этого автора, ирония – дискурсивная стратегия, которую невозможно понять вне ее воплощения в контексте (Hutcheon 1994: 86).

Типология контекстов по объему текстовой единицы, в рамках которой реализуется ирония, включает в себя микроконтекст (уровень предложения), макроконтекст (уровень абзаца) и мегаконтекст (текстовый уровень) (Походня 1984: 100).

Т. И. Клименко выделяет четыре основных типа формирующих иронический смысл контекстов, в рамках которых явление иронии рассматривается в лингвистических исследованиях (Клименко 2008: 81):

- 1) ситуационный (знания социально-исторического плана);
- 2) паралингвистический (просодика, жесты и мимика);
- 3) лингвистический (лексический и синтаксический);
- 4) экстралингвистический (культурологический), или вертикальный.

Все четыре типа контекстов участвуют в интерпретации иронического высказывания, причем паралингвистический контекст может быть представлен

в письменном тексте в вербализованном виде.

Исследователь вводит понятие иронического контекста, который определяется как «речевая ситуация несоответствия одних свойств языковой системы другим ее свойствам, или несоответствие одной семиологической системы другой, моделируемое говорящим с целью создания парадокса восприятия, т. е. когнитивно-коммуникативной ситуации несоответствия» (Клименко 2008: 8).

2.2. Когнитивный аспект иронии

Ирония часто рассматривается как феномен совмещения своей и чужой (объекта иронии) точек зрения. Так, смысловым ядром иронии, по Н. В. Веселовой, является «семантическая неоднозначность, возникающая в результате интертекстуальной “игры” с различными кодами и языками (“чужой” и “своей” речи)» (Веселова 2003: 5).

Б. А. Успенский приводит в качестве распространенного способа выражения иронии прием, который заключается в расхождении точек зрения автора и лица, от которого фразеологически ведется повествование (имеется в виду авторское использование чужой речи, или несобственно-прямая речь). Точка зрения персонажа входит в качестве составного элемента в авторскую точку зрения и несет на себе отпечаток авторского оценочного отношения (Успенский 1970: 138). В качестве примера можно привести предложение, которым открывается роман Джейн Остин «Гордость и предубеждение»: «It is a truth universally acknowledged, that a single man in possession of a good fortune, must be in want of a wife.» (Austen: 3). Точка зрения, представленная в высказывании в виде несобственно-прямой речи, становится объектом авторской иронии.

Представление об иронии как о совмещении точек зрения созвучно когнитивным подходам к изучению этого явления. В последние десятилетия были предприняты попытки описания иронии с привлечением

терминологического аппарата когнитивных наук, включая понятия метарепрезентации и индивидуальной теории психики («theory of mind»).

Под репрезентацией понимается отображение объекта или ситуации, которая имеет место в реальности. Репрезентации – например, рисунок или предложение – могут сами служить объектом для репрезентации. Таким образом рождаются метарепрезентации – репрезентации репрезентаций, или репрезентации второго и более высокого порядков. В когнитивных науках в фокусе внимания, как правило, находятся ментальные репрезентации, но применение этого термина не ограничивается ментальными феноменами. Так, в лингвистике под метарепрезентациями могут пониматься некоторые виды сложных предложений, а именно конструкции, которые отражают метакогнитивные процессы – «ментальные состояния особого рода, содержанием которых является... иное ментальное состояние» (Клепикова 2008: 51). Такие структуры можно считать языковыми аналогами ментальных метарепрезентаций.

В когнитивных исследованиях наряду с понятием метарепрезентации используется понятие индивидуальной теории психики (ИТП), под которым подразумевается способность приписывать другим людям ментальные состояния. Оба термина характеризуют метакогнитивные способности, которые позволяют моделировать внутренний мир другого человека и лежат в основе некоторых сложных форм вербальной коммуникации и позволяют создавать эффекты диалогичности и «стереоскопичности». Такие способности оказываются задействованы в ситуациях нарушения привычных моделей поведения, когда положение вещей характеризуется как *«неожиданное, важное, гипотетическое, фантастическое, абсурдное, заведомо невозможное»* (Величковский: 200).

Гипотеза о том, что в процессе понимания иронии участвуют сложные когнитивные процессы, находит подтверждение в психолингвистических

экспериментах (Harré 1991: 160).

Теория психики и способность к метарепрезентации необходимы как для порождения, так и для интерпретации иронии. Автор иронического высказывания метарепрезентирует его эксплицитное содержание, вследствие чего между ним и выражаемой точкой зрения создается ироническая дистанция. В свою очередь адресат должен прийти к заключению, что высказывание – либо в эксплицитном содержании, либо в импликациях – противоречит истинным убеждениям говорящего, что возможно благодаря ИТП.

Следует отметить, что в своей интерпретации иронических высказываний адресат опирается на доступную ему контекстуальную информацию, включая свои знания об убеждениях говорящего и его ценностной картине мира.

2.3. Оценочный аспект иронии. Семантика оценки.

В свете отмечаемой исследователями тесной связи между иронией и оценочностью, которая признается важным или даже центральным компонентом смысла иронического высказывания (И. В. Арнольд, И. А. Солодилова, Г. Н. Чугунекова, Р. Гиора, Г. Кларк, Р. Герриг, Х. Коттхофф, А. Партингтон, Д. Спербер, Д. Уилсон, Дж. Хейман), целесообразно рассмотреть структуру оценочного значения, а также языковые средства выражения аксиологических суждений.

Е. М. Вольф предлагает рассматривать оценку как особую модальность, которая накладывается на дескриптивное содержание языкового выражения (Вольф 1985: 11). Развивая эту мысль, В. Н. Телия определяет оценочную модальность как «связь, устанавливаемую между ценностной ориентацией говорящего или слушающего и обозначаемой реалией (точнее, каким-либо свойством или аспектом рассмотрения этой реалии), оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию (эмоциональному, этическому, утилитарному и т.п.) в соответствии со “стандартом” бытия вещей или положения дел в некой картине мира, лежащим в основе норм оценки» (Телия

1981: 22).

Модальная рамка оценки, или структура компонентов оценочного высказывания, универсальна и включает в себя субъекта и объект оценки, аксиологические предикаты, а также имплицитно выраженную шкалу и стереотипы, поскольку любая оценка, даже абсолютная, предполагает сравнение. При этом социальные нормы как источник оценки лежат в основе иронического дискурса, который возможен постольку, поскольку существуют общие ценности и стереотипы (Hutcheon 1994: 91).

К факультативным элементам оценочной структуры относятся интенсификаторы и деинтенсификаторы, мотивировка и др. В качестве субъекта оценки, как правило, выступает лицо или социум, с точки зрения которого дается оценка (Вольф 1985: 47-52).

Аксиологические высказывания подразделяются на два основных типа: общеоценочные и частнооценочные (Арутюнова 1988: 75-77). Первые описывают объект в целом как «хороший» или «плохой» (*bad weather, fantastic experience*), в то время как во вторых используются средства, сочетающие дескриптивное и оценочное значения (*skilled leadership, boring book*). В частнооценочных структурах аспект оценки обнаруживается в семантике прилагательного, в то время как при общей оценке его следует искать в семантике имени самого объекта (Арутюнова 1988: 76).

При использовании общеоценочной лексики говорящий прибегает к имплицитной шкале оценок и социальным стереотипам. Так, высказывание *It's such a great movie!* понятно собеседнику благодаря наличию общего представления о замечательном фильме. Несоответствие эксплицитно выраженной оценки подобному общему представлению или норме может послужить созданию иронического эффекта: *That's a nice way to come into my kitchen – no greeting!* (<https://en.oxforddictionaries.com>).

Носителем стереотипа могут выступать разные социальные группы. Важно

отметить, что стереотипы исторически и ситуативно изменчивы: например, *хорошая машина* скорее всего будет иметь разные характеристики в зависимости от временного периода, а представление о *плохой погоде* может определяться не только общими стереотипами, но и целями коммуникантов.

Ценностный аспект присущ широкому спектру разноуровневых языковых средств: к ним относятся аффиксы, содержащие сему оценки качественные прилагательные, пейоративная и мелиоративная лексика и пр. При наличии соответствующих прагматических и контекстуальных факторов оценочную функцию может выполнять практически любая языковая единица (Ретунская 1998). Оценочность текста складывается из значений, которые реализуются на всех уровнях языка – фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом. Чрезвычайно важную роль при выражении оценки играет просодика, которая, помимо прочих функций, активно используется как маркер иронического смысла в речи.

Оценочность зачастую определяется высказыванием в целом; при этом важно место описываемой ситуации в ценностной картине мира (Вольф 1984, Телия 1981). Слова, включающие оценку, знак которой не является фиксированным, раскрывают свое значение в контексте, ср: *он занял удобную позицию невмешательства* и *они нашли удобное место для лагеря*. Следует подчеркнуть, что способы выражения оценки не ограничиваются использованием лексических единиц с постоянным оценочным значением. Описание ситуации, имеющей положительный или отрицательный смысл в картине мира, также выражает оценку: *You wanted Dinah as an attraction for your theatre; you denied her any life of her own. I understand you did not even pay her for her work.* (BNC₆). Таким образом, в оценочных языковых структурах отражается ценностная картина мира определенной лингвокультуры.

Для иронических высказываний характерно выражение ценностей, которые

---

6 British National Corpus (<http://corpus.byu.edu/bnc>)

не разделяют автор и аудитория. Например, анализируя слоган *Ignore the hungry and they'll go away*, У. Бут приходит к выводу, что читатель отвергает структуру ценностей, которая имплицитно заложена в высказывании (*лучший способ решить проблемы – их игнорировать; неважно, что люди страдают от голода* и др), и при этом не может допустить мысли, что таких ценностей придерживается автор, из чего следует необходимость интерпретировать высказывание иронически (Booth 1974: 35). Важно, что адресант не только отвергает отраженные в сообщении убеждения, но, кроме того, имеет основания считать, что именно этого ожидает от него автор высказывания, причем контраст между ценностной картиной мира и высказыванием служит сигналом иронии.

В. Н. Телия выделяет коннотативную оценочность, обладающую выраженной экспрессией. Один из механизмов создания подобной оценочности – вторичная номинация. Так, например, в отличие от собственно оценочного утверждения «Она – разиня», высказывание «Она – ворона» передает оценочное суждение о человеке посредством вторичной номинации, в которой образное представление сочетается с оценкой. Посредством коннотации можно выразить как положительную, так и отрицательную оценку. Например, высказывание «У нее живой и острый ум» передает эмотивно окрашенную похвалу, в то время как саркастическое замечание «У нее такой острый ум, что ранит все живое» выражает противоположную похвале оценку (Телия 1981: 21).

Положительная оценка означает соответствие норме или ее превышение, в то время как отрицательная оценка, напротив, подразумевает отклонение от нормы. Норма как зона на шкале оценок соотнесена со стереотипным представлением об объекте с соответствующим признаком.

Оценочный стереотип в его отношении к оценочной шкале – основной элемент, на который опираются общеоценочные высказывания. Он складывается из объектов, обладающих стандартными наборами признаков. Именно существование стихийно сложившихся стереотипов обеспечивает

взаимопонимание: в ценностной картине мира коммуникантов существует представление о том, какими свойствами должен обладать хороший представитель определенного класса объектов: *a good spy is supposed to take risks* (BNC). Таким образом, аспект оценки обнаруживается в типе объекта оценки. Напротив, когда речь идет о частнооценочных признаках, аспект оценки заложен в семантике прилагательного (*valuable antiques*).

Критерии оценки находят отражение в мотивировках, которые аргументируют оценки предметов, лиц, событий. Мотивировки, особенно когда они сопровождают общеоценочные обозначения, эксплицируют оценочные стереотипы или же указывают на квазистереотипы, т.е. те признаки, которые говорящий хочет представить как стереотипные. Очевидно, что высказывание с мотивацией в виде квазистереотипа приобретает иронический оттенок. Так, Дж. Лич приводит следующий пример иронического намека («*innuendo*»): *He has occasional flashes of silence that makes his conversation perfectly delightful* (Leech 2001: 175). Предложение построено таким образом, что выводимая из него пресуппозиция (*искусство быть прекрасным собеседником заключается в том, чтобы время от времени делать паузы*) не соответствует настоящему оценочному стереотипу. Использование квазистереотипа служит сигналом иронии и позволяет интерпретировать высказывание как завуалированную критику.

Мотивировка должна сохранять ориентацию, т.е. не противоречить оценке, содержащейся в оценочных словах: **Это великолепная картина, таких полно во всех музеях*. В результате смены ориентации создаются парадоксальные или иронические смыслы. Т. И. Клименко называет подобное свойство иронии «противоречивым семиозисом» (Клименко 2007: 26).

Сходным образом, оценочное слово в группе подлежащего может накладывать ограничения на содержание предиката, который должен быть семантически связан с оценкой: *Замечательный художник вложил в картину*

всю свою душу.

Оценочность может выражаться косвенными речевыми актами («квазиоценочные» высказывания). Например, в ассертивном высказывании *He failed the test*. можно выделить оценочную модальную рамку, основанную на ценностной картине мира.

Очевидно, что сообщения, не содержащие эксплицитных оценочных элементов, способны приобретать оценочное значение на основе стереотипов, закрепленных в картине мира социума: *The train arrived on time*. Здесь оценка – имплицитный смысл высказывания в целом.

Семантика оценочных речевых актов определяется прагматической ситуацией. Оценочные речевые акты характеризуются неопределенностью перлокутивного эффекта. Одно и то же высказывание (например, *You're a genius!*) можно интерпретировать как похвалу, лесть или иронию. Ясность в этом случае может внести контекст или интонация говорящего.

Ирония может также возникать в результате нарушения максимы скромности, накладывающей ограничения на самовосхваление: *Please accept our wonderful gift*. Кроме того, Е. М. Вольф рассматривает особый вид иронических экспрессивов, отличающихся семантической инверсией при оценке: в таких речевых актах используются номинации с инвертированным знаком оценки. Как правило, они выражают отрицательную оценку (осуждение, негодование и др.) при внешне положительном значении; ср.: *Хорошенькое дельце!* Очевидно, что такой тип высказывания является частным случаем антифразиса.

Как показал обзор литературы, оценка выражается широким спектром средств, как собственно языковыми (морфологическими, синтаксическими, лексическими, фонетическими), так и отсылающими к картине мира. Картина мира и оценочные стереотипы играют ключевую роль в реализации оценочности. Способы создания иронического эффекта включают нарушение

максимы скромности, семантическую инверсию при оценке и моделирование ложного оценочного стереотипа.

3. Ирония в аспекте перевода

В качестве критерия оценки перевода традиционно используется термин «эквивалентность», который определяется как «сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе» (Виноградов 2004: 19). При этом в каждом конкретном случае на характер эквивалентности влияет функционально-стилистическая принадлежность текста оригинала. Так, если речь идет о литературном произведении, задачей переводчика становится максимальная передача эстетической ценности и художественного своеобразия подлинника. В. С. Виноградов подчеркивает, что эквивалентность перевода и оригинала предполагает передачу в том числе имплицитных смыслов и элементов текста, оказывающих эмоциональное воздействие на реципиента. Ирония не только является эмотивно-экспрессивным средством, но и, как отмечает Ж. Е. Фомичева, служит средством характеристики персонажей, создания образов и воплощения идей художественного произведения (Фомичева 1992: 18), что подразумевает необходимость отражения иронии в переводе.

Перевод иронии в художественной литературе редко выделяется как отдельная проблема в переводоведческой литературе, несмотря на особые задачи, которые он ставит перед переводчиком.

Во-первых, передача иронических высказываний требует верной интерпретации, которая предполагает выявление и корректное декодирование сообщений, созданных автором с иронической интенцией. Как отмечает Дэвид Лодж, в сравнении с остальными фигурами речи, ирония не имеет специфической словесной формы выражения, которая отличала бы ее от буквальной речи. Центральным для иронического высказывания, таким образом,

становится акт интерпретации (Lodge 1994: 179).

Переводчик, выступая в качестве компетентного читателя, выявляет иронию и реконструирует подразумеваемый смысл. Г. Хирш предлагает модель выявления иронии и реконструкции имплицитного смысла с опорой на иронические маркеры (cues) и сигналы (clues). Первые указывают на иносказательный модус высказывания (к ним относится нарушение максим П. Грайса, эхоическое упоминание или использование маски наивного человека), а вторые позволяют декодировать подтекст (Hirsch 2017:181). При переводе рекомендуется проводить многоаспектный анализ иронии с учетом стилистических, функциональных, логических и дискурсивных характеристик иронического высказывания (Chakhachiro 2009: 46-47).

Во-вторых, имплицитный смысл высказывания и текста в целом является источником особых переводческих проблем (Комиссаров 1999: 53). Нередки случаи, когда эквивалентная передача выраженного смысла сама по себе может обеспечивать передачу смысла, который лишь подразумевается, однако зачастую в процессе перевода соотношение эксплицитного и имплицитного смыслов изменяется. В. Н. Комиссаров выделяет три типичных случая при переводе имплицитного смысла (op. cit.: 55-57):

1. Соотношение эксплицитного и имплицитного смысла в переводе и оригинале остается неизменным, причем подтекст воспроизводится в переводе за счет передачи языкового содержания оригинала.
2. Соотношение эксплицитного и имплицитного смысла в переводе и оригинале остается неизменным, но для этого требуется модификация языкового содержания оригинала.
3. Соотношение смыслов меняется в силу экспликации подтекста.

При этом переводческое решение определяется тем, в полной мере ли воспроизведение языкового содержания оригинала в переводе может обеспечить передачу подтекста.

Очевидно, что экспликация подтекста приводит к потере иронического смысла и препятствует полному отражению стилистических особенностей оригинала, но эта стратегия является распространенным приемом перевода иронии. Если придерживаться точки зрения о том, что основная функция иронии – выражение отрицательного отношения, то передача смысла иронического высказывания буквальным языком позволяет переводу производить такой же эффект на аудиторию, какой на читателей производит оригинальный текст, а значит можно говорить о достижении перлокутивной эквивалентности (Hirsch 2017: 191). Однако ирония, особенно в художественном произведении, может также служить экспрессивным и эстетическим задачам, что делает ее утрату крайне нежелательной.

По мнению Дж. де Вильде, природа иронии не допускает переводческого анализа этого явления, основанного исключительно на лингвистических и текстуальных характеристиках. Как следствие, исследователь вводит особый тип инварианта – «the ironic» – для обозначения трудноуловимого литературного эффекта, который переводчик стремится воссоздать при переводе иронии, который также может использоваться для сравнения оригинала и перевода с точки зрения передачи иронического содержания (De Wilde 2011: 39-41). В остальном предложенный алгоритм анализа мало отличается от схем, используемых другими исследователями: автор акцентирует внимание на ключевых аспектах иронического смысла – семантике, оценочности и формальных маркерах иронии (De Wilde 2011: 41).

Т. А. Казакова отмечает, что проблема иронии в переводе часто вызвана различиями между способами выражения иронии, принятыми в разных культурах; дополнительные трудности могут быть связаны с присутствием в ироническом контексте элементов, специфичных для исходной культуры. На основании анализа примеров автор рекомендует использовать следующие приемы перевода иронии: полный перевод с незначительными лексическими

или грамматическими преобразованиями; расширение исходного иронического оборота, под которым подразумевается вербализация части подтекста; антонимический перевод; добавление смысловых компонентов; культурно-ситуативная замена (Казакова 2001: 273-281).

Полный перевод используется, когда это позволяет лексико-грамматический состав иронического высказывания и совпадение культурных ассоциаций. В иных случаях, в зависимости от специфики текста, применяются остальные приемы. Так, при невозможности воспроизвести способ выражения иронии в переводе и необходимости передать иронию как существенную характеристику своеобразия текста может быть использована культурно-ситуативная замена.

В качестве еще одного приема перевода иронии можно привести включение в контекст дополнительных маркеров иронии (например, модальных слов) (Varbe 1995: 166), что сигнализирует наличие подтекста, если велика вероятность, что представители переводящей культуры могут его не распознать.

Наконец, приведем перечень условий, которые облегчают перевод иронии в конкретной языковой паре (Varbe 1995: 167):

- 1) общность социокультурных знаний у носителей языков;
- 2) схожие способы языковой реализации иронии;
- 3) похожие способы «спасения лица»;
- 4) использование иронии в одних и тех же целях;
- 5) сходство институтов (например, правовой системы).

Таким образом, эквивалентность при переводе иронических высказываний обеспечивается за счет воссоздания двух уровней смысла – эксплицитного и имплицитного, причем соотношение выраженной прямо и подразумеваемой информации может изменяться в зависимости от характеристик текста и языка перевода. Помимо семантического аспекта, переводческий анализ фокусируется на оценочных свойствах текста и маркерах иронии.

Выводы по главе I

1. Как показал обзор лингвистических теорий иронии, многие из аспектов этого явления являются полемичными. Критика традиционного семантического подхода, в рамках которого ирония рассматривается как употребление слова или предложения в противоположном значении, привела к формулировке теорий, ориентирующихся на прагматический и когнитивный аспекты этого феномена, однако в настоящее время определение иронии, описание механизмов ее реализации и интерпретации остаются проблематичными. Исследователи, придерживающиеся представления об иронии как эхе, исходят из того, что ключевым компонентом иронии является отсылка к чужой речи, а коммуникативная интенция адресанта заключается в том, чтобы выразить негативную оценку метарепрезентируемого мнения. С другой стороны, сторонники теории иронии как притворства, считают «эхо» только одним из возможных способов создания иронического эффекта и утверждают, что суть иронии заключается в притворстве.
2. Можно отметить тенденцию к описанию иронии как языкового явления, позволяющего создать эффект двуплановости, благодаря совмещению и контрастному сопоставлению двух точек зрения, одна из которых представлена в высказывании эксплицитно, а вторая реконструируется адресатом на основании контекстуальной информации и экстралингвистических знаний.
3. Функция иронического высказывания, как правило, заключается в выражении авторской оценочной позиции, причем спектр выражаемых оценок разнообразен.
4. Аксиологическая составляющая признается важным или даже центральным компонентом смысла иронического высказывания (И. В. Арнольд, Р. Гиора, Г. Кларк и Р. Герриг, Х. Коттхофф, А. Партингтон, Д. Спербер и Д. Уилсон, Дж. Хейман). Оценочность реализуется на всех уровнях языковой системы, а ее

основой являются оценочные стереотипы и ценностная картина мира.

5. Передача имплицитных смыслов при переводе художественного произведения важна для достижения эквивалентности, но при этом воссоздание иронии осложняется лексическими, грамматическими и культурными различиями между языками. При невозможности полного перевода для создания иронического смысла в переводном тексте может использоваться ряд других приемов (антонимический перевод, расширение исходного оборота, добавление смысловых компонентов, культурно-ситуативная замена).

Глава II. Способы реализации иронии в художественном тексте и перевод

В настоящей главе представлена классификация способов реализации вербальной иронии на материале современных англоязычных художественных произведений – романов «История мира в 10 ½ главах» (A History of the World in 10 and ½ Chapters, 1989) Джулиана Барнса и «Одержимый» (Headlong, 1989) Майкла Фрейна, а также их переводов на русский язык, выполненных, соответственно, В. О. Бабковым и К. Н. Корсаковым.

Следует отметить, что ирония принадлежит к существенным особенностям стиля обоих писателей. Что представляется особенно важным, она является неотъемлемой характеристикой речевого портрета ряда персонажей и, следовательно, ее передача в переводе необходима для адекватного воспроизведения характеров в русском переводе. Так, повествование в романе «Headlong» ведется от лица англичанина-интеллектуала, чья ироничность подчеркивает его образованность и остроумие. При этом иронические высказывания особенно широко представлены в речи, обращенной к читателю, а не другим персонажам, что создает впечатление доверительного контакта.

Постмодернистский роман Дж. Барнса фактически представляет собой собрание самостоятельных произведений малой формы, объединенных общими темами и мотивами. В особенности насыщена иронией первая глава, в которой читателю предлагается альтернативная версия библейского мифа о Великом Потопе от лица червя-древоточца, хитростью проникшего на Ковчег. Рассказчик разоблачает библейский миф и вместе с ним закрепленный в культуре образ Ноева Ковчега: согласно его версии событий, Ной был алкоголиком, который использовал всевозможные предлоги, чтобы убивать животных на ковчеге из отвращения, страха, зависти или из желания подать их к столу.

Как отмечает М. Ю. Орлов, повествование от первого лица характеризуется высокой степенью субъективности, повышая вероятность присутствия в тексте иронии, в особенности текстообразующей (Орлов 2005: 14). Именно такой тип

повествования используется как в романе «Одержимый», так и в большинстве глав «Истории мира в 10 ½ главах».

Так, в первой главе произведения Дж. Барнса библейский праведник Ной изображен лицемерным тираном, а повествование ведется таким образом, что читатель постоянно сравнивает два нарратива, что само по себе придает тексту ироничный характер в результате дистанции между повествованием и внетекстовым знанием (Klonowska 2015: 262). Существование прецедентного текста (повествования о Всемирном потопе), хорошо известного читательской аудитории, и прочно закрепленного в культуре образа ковчега означает, что рассказ жука-древоточца непрерывно сверяется с известными читателю фактами.

Классификация средств репрезентации иронии в тексте

В рамках исследования было установлено, что художественное пространство выбранных для анализа произведений включает как примеры «иронии от персонажа», в которых ироническая интенция принадлежит героям-авторам реплик, так и случаи «иронии от автора». При некоторых различиях, для этих типов иронии характерны схожие способы актуализации, поэтому они рассматриваются в работе вместе.

Для создания иронического эффекта может использоваться весь спектр языковых средств, что, однако, не исключает возможности выделения наиболее характерных способов создания иронических смыслов. Кроме того, принимая во внимание утверждения исследователей о том, что ироническим может быть фактически любое высказывание, наряду со средствами создания иронического смысла представляется полезным говорить также о маркерах, или индикаторах иронии, которые призваны обеспечить понимание адресатом иронической интенции автора высказывания.

Всего методом сплошной выборки было выявлено 136 высказываний, содержащих иронию. С учетом переводов всего было проанализировано 272

высказывания. В тексте диссертационного исследования рассматриваются 74 наиболее репрезентативных фрагмента.

Как показал анализ языкового материала, иронический смысл может создаваться по крайней мере двумя типами стратегий:

- лексико-семантической, которая заключается в манипулировании языковой и узуальной нормой;
- логико-семантической, которая преимущественно реализуется с опорой на логические нормы и картину мира коммуникантов.

1. Лексико-семантическая стратегия

Лексико-семантическая стратегия создания иронического смысла предполагает сознательное отступление от конвенционального словоупотребления или языковой нормы, которое указывает адресату высказывания на необходимость декодировать подтекст (Шилихина: 125). Данная стратегия может реализовываться с опорой на лексические, грамматические и стилистические средства, самыми распространенными из которых в рассматриваемых художественных произведениях оказались фигуры речи.

1.1. Антифразис.

Одним из наиболее частотных способов создания иронического смысла в проанализированном языковом материале является антифразис, т.е. использование лексических единиц в антонимическом значении.

Так, в одном из высказываний рассказчика страна, в которой орудует инквизиция, наделяется эпитетом *happy*:

- (1) This was the **happy** land in which Bruegel passed the first twenty-five or thirty years of his life (Frayn: 146).

Из явного расхождения с широким контекстом очевидно, что слово *happy* используется здесь не в прямом значении: положительная оценка, выраженная

эксплицитно, порождает противоположную импликацию. Следует отметить, что передача иронии в подобных случаях редко составляет сложность при переводе: иронический эффект сохраняется при полном переводе, так как он создается за счет контраста между отдельно взятой лексической единицей и широким контекстом:

(1a) Вот такой **веселой** была жизнь в стране, в которой прошли первые двадцать пять или тридцать лет жизни Брейгеля. (Фрейн: 150)

Антифразис – стилистический прием, в котором ярко проявляется аксиологический аспект иронии, поскольку он позволяет выразительно противопоставить фактическому положению вещей ожидаемое или желательное. Например, рассказчик комментирует то, как Ной обошелся с единорогом, спасшим жизнь жены Хама, когда ту едва не смыло за борт во время бури:

(2) **Fine thanks he got for his valour**; the Noahs had him casseroleed one Embarkation Sunday. (Barnes: 19)

Высказывание характеризуется ироническим контрастом между обращением, которое единорог заслужил, и чудовищной неблагодарностью, которую в действительности проявляет по отношению к нему семья Ноя. В переводе сохраняется иронический контраст, а также инверсия, придающая высказыванию дополнительную экспрессивность:

(2a) **Славно же его отблагодарили** за находчивость – однажды, в годовщину отплытия, он был подан к столу. (Барнс: 21)

В ряде случаев признаком антифразиса выступает сочетание лексических единиц с контрастной оценочностью, что в свою очередь может приводить к возникновению **оксюморона**. Например, в следующем фрагменте для описания ситуации рассказчик прибегает к словам с отрицательной коннотацией, за исключением *delightfulness*, вносящего в высказывание диссонанс:

(3) "Well, that was delightful," I say. "But Tilda's going to be waking up any moment. Also, we were up half the night last night. And we've got an early day tomorrow."

Why does one always have one excuse too many? Still, by now Kate and I are on our feet.

"Has he shown you the picture yet?" says Laura.

Ah. Here we go.

At least we haven't sat through all this delightfulness for nothing. (Frayn:32)

Отрицательное отношение персонажа передают частица *at least* («*If nothing else (used to add a positive comment about a generally negative situation)*»⁷) и глагол *sit through*, который обычно используется для описания скучного, неинтересного времяпрепровождения («*to stay until the end of something, especially if you are not enjoying it*»). Таким образом, структура предложения *At least we haven't sat through all this X for nothing* предполагает, что X будет характеризоваться если не отрицательной семантикой, то, по крайней мере, нейтральной. Вопреки этому, в этот контекст помещено производное от слова *delightful*, дефиниция которого («*causing delight; charming*»), напротив, содержит сему положительной оценки. В результате возникает противоречие между словарным и контекстуальным значениями слова *delightfulness*, что свидетельствует об использовании антифразиса. *Delightfulness* в то же время отсылает к произнесенной ранее вежливой реплике персонажа *Well, that was delightful*, что придает последующему высказыванию оттенок цитационной иронии. Ироническая интерпретация создается и контекстом: читателю известно, что общение между персонажами протекало трудно, и в действительности удовольствия от вечера они не получили.

Интересно, что реплику персонажа *Well, that was delightful* не следует рассматривать как ироническую, несмотря на контраст с широким контекстом, поскольку ироническая критика несовместима с нормами вежливого общения в подобной коммуникативной ситуации, которые герой неукоснительно соблюдает. Таким образом, при выявлении иронии необходимо учитывать

---

⁷Определения, если не указано иное, даются по онлайн-версии словаря Oxford Dictionary (oxforddictionaries.com).

лингвокультурные нормы: то, что допустимо во внутренней речи, стало бы грубым нарушением этикета в диалоге.

В переводе глагол с отрицательной коннотацией передается положительно окрашенным глаголом «наслаждаться», что приводит к утрате оксюморона, однако иронический оттенок тем не менее сохраняется за счет контраста с отрицательно коннотированной дискурсивной единицей *по крайней мере*. К дискурсивным словам относится класс слов, лишенных денотата, которые обеспечивают логическое и эмоциональное оформление речи и выступают в качестве инструмента для передачи оценочных значений. Такие единицы принимают непосредственное участие в функционировании дискурса, устанавливая отношения между его составляющими (логические взаимосвязи, выражение оценки, сопоставление утверждений коммуникантов и др.) (Атаева, Малышева 2009: 212) и могут выступать средством выражения иронии:

(3a) – Большое спасибо за прекрасный вечер, – говорю я. – Боюсь, что Тильда может проснуться в любой момент. Мы и так уже вчера полночи не спали, а завтра нам рано вставать...

Ну почему мы всегда придумываем на одно оправдание больше, чем нужно? Однако мы с Кейт уже на ногах.

– А картину-то он вам показал? – спрашивает Лора.

Ага, вот оно. **По крайней мере мы не просто так наслаждались прекрасным общением.** (Фрейн: 36-37)

Описывая огромную столовую в поместье соседа, персонаж иронически дает понять, что в комнате очень холодно, эксплицитно уверяя читателя в том, что это не так:

(4) And although the dining room's large enough to accommodate all the Churts there ever were since there were Churts at Upwood, **the temperature's by no means unbearable** if you edge your chair a little toward one of the fan-heaters and get your feet under one of the dogs. **And I suppose the cigarettes that Laura lights between courses must warm the air a little.** (Frayn: 28)

Второе предложение позволяет уверенно говорить о том, что описание содержит иронию, поскольку нельзя серьезно поверить в то, что сигареты оказывают сколько-нибудь значительный эффект на температуру в помещении.

В переводе используется антонимический перевод, а также добавления, которые снижают иронический эффект. В особенности наречие «уютно» способствует созданию образа, отличного от представленного в оригинале романа:

(4a) И хотя столовая могла бы вместить всех Кертов, которые когда-либо жили в Апвуде, в ней **довольно тепло**, особенно если подвинуть стул к обогревателю **и уютно уткнуться ноги** в одну из собак. **Надо думать, что и сигареты, которые Лора закуривает в перерыве между блюдами, немного нагревают воздух.** (Фрейн: 32)

1.2. Гипербола.

Гипербола – одна из наиболее широко известных тактик создания иронического эффекта, состоящая в преувеличении свойств объекта:

(5) I couldn't believe that serious thought had once gone into the matter of **how to relieve this tea-drinking gentleman of the incredible burden of picking up a normal strainer** with his free hand. (Barnes: 343)

Используя гиперболу, персонаж дает понять, что увиденное им приспособление показалось ему нелепым излишеством, которое не стоит усилий, затраченных на его изобретение.

Этот прием создания иронии сохраняется в русской версии романа:

(5a) Мне трудно было поверить, что когда-то человеческая мысль всерьез занялась проблемой, **как избавить этого гонящего чай джентльмена от непосильного труда** держать обычное ситечко свободной рукой. (Барнс: 317)

Заметим, что в переводе джентльмен не просто *пьет чай*, а *гоняет чай*, что создает впечатление праздности и тем самым усиливает иронию: джентльмен не желает утруждать себя простым движением руки.

Гипербола может использоваться в целях шутливой самоиронии:

(6) Our property, as the urban owners of odd half-acres in the country like to tell you humorously in such circumstances, marches with his. The march isn't long enough to make either property very footsore, it's true, but it gives us a bond. We're fellow landowners. Neighboring proprietors. Brother **magnates**. (Frayn: 11)

Рассказчик иронически утверждает, что небольшой участок земли за городом позволяет ему чувствовать общность с соседом-владельцем огромного поместья. Номинация *brother magnates* – наиболее явное указание на иронию, поскольку очевидно, что герой не относится к крупным землевладельцам.

Ирония в размышлениях персонажа находит отражение в переводе:

(6a) «**Наши владения**», как в подобных обстоятельствах горожане любят шутливо называть свои несчастные пол-акра земли в деревне, граничат с его территорией. Граница эта не слишком протяженная, но она дает нам с Тони ощущение общности. Мы с ним коллеги-собственники. Соседи-землевладельцы. **Братья-магнаты**. (Фрейн: 15)

В русский текст вводится дополнительная гипербола *наши владения*, которая усиливает ироническое звучание речи персонажа.

1.3. Литота.

В противоположность гиперболе, литота преуменьшает свойства объекта, причем в иронической литоте, как правило, имплицитно подразумевается высокая степень признака. В рассматриваемых текстах ироническому преуменьшению подвергались отрицательные качества, например:

(7) There were murmurings that the two events were connected, that Ham's wife – **who was a little short on serenity** – had decided to revenge herself upon the animals. (Barnes: 6)

Описание гневной, мстительной особы словами *a little short on serenity* создает комический эффект, который, вместе с иронией, теряется в русском переводе, поскольку переводчик прибегает к эксплицирующему антонимическому переводу:

(7a) Поговаривали, будто бы два этих события связаны, будто Хамова жена, которая

была **чересчур раздражительна**, решила отомстить животным... (Барнс: 8)

Утрата иронии приводит к сужению значения высказывания и менее активному взаимодействию читателя с текстом. Аудитория оригинального текста реконструирует иронический смысл, отвергая буквальное значение в пользу подтекста, который Д. К. Мьюк обозначает понятием «скрытая семантическая сфера» (*latent semantic sphere*) (Muecke: 39). При этом *a little short on serenity* может быть декодировано несколькими способами (*раздражительная, вспыльчивая, настоящая мегера*), в то время как в переводе представлен результат интерпретации высказывания переводчиком, который не предоставляет читателю подобной свободы.

В следующем примере историк представляет, как, не будучи скован нормами приличия, ответил бы на вопрос одного из любителей, которые время от времени пытаются спорить с его мнением по тому или иному вопросу, желая поразить других слушателей лекции своей мнимой образованностью:

(8) He imagined himself hearing out one of these jokers and replying, with a skirl of irony on the adverb, **Of course, you realize that the film of Ben Hur isn't *entirely* reliable?** (Barnes: 47)

Авторская речь указывает на ключевой элемент реализации иронии в высказывании – наречие *entirely*. В данном случае речь идет не только об иронической литоте (под *not entirely reliable* можно понимать скорее *not at all reliable*), но также ироническом использовании пресуппозиции: говорящий косвенно обвиняет оппонента в том, что он почерпнул свои знания из популярного кинофильма. Намекая на то, что оппонент наивно воспринимает художественное произведение как источник достоверной информации, иронизирующий разоблачает в нем некомпетентного дилетанта. Кроме того, хотя реплика иронизирующего облечена в форму вопроса, речь идет о косвенном речевом акте. Цель автора высказывания – не получить ответ, а дискредитировать жертву иронии.

Вопрос в русском переводе принимает более категоричную форму за счет введения модальности (*нельзя*), но это не препятствует передаче иронии:

(8a) Он представлял себе, как выслушает одного из таких умников и с иронией ответит ему: "Вы, конечно, понимаете, что фильм "Бен Гур" нельзя считать *абсолютно надежным источником?*" (Барнс: 46)

Как в оригинале, так и в переводе, прочтение иронии зависит от наличия у читателя представления о том, что в художественных произведениях исторические факты часто искажаются, и потому на их основе нельзя формировать мнение о событиях истории. Следует также отметить перевод *joker* («*a foolish or inept person*») существительным *умник*, за которым закреплено ироническое значение.

Литота может заключаться в преуменьшении ценности объекта:

(9) 'Hope you didn't mind us showing you the **family snaps**,' says Tony, as he helps me into it. (Frayn: 47)

Номинация *family snaps* в отношении подлинников произведений искусства иллюстрирует использование литоты, или «understatement», характерной для британской лингвокультуры.

Кроме незначительных изменений, не затрагивающих иронический смысл (например, модуляции *hope you didn't mind* => *надеюсь, мы не слишком утомили вас*), переводчик использует кавычки в качестве дополнительного графического маркера иронии:

(9a) – Надеюсь, мы не слишком утомили вас своим «семейным альбомом», – произносит Тони, помогая мне вдеть руки в рукава. (Фрейн: 50)

1.4. Иронический эвфемизм

В эту категорию входят иронически окрашенные заменители табуированных, нежелательных, невежливых, слишком резких наименований (Сеничкина, Никитина: 199).

Так, экспроприация картин предком одного из персонажей описывается глаголом *relieve*. В данном случае ирония имплицитно указывает на то, что персонаж не признает, что совершает кражу. «Relieve» («*Take (a burden) from someone*») предполагает освобождение от бремени, в данном же случае речь идет о ценном произведении искусства:

(10) Major Churt, who knows approximately as much about art as the son he will beget when he returns home from the war, has no scruples about **relieving the local Gauleiter's family of *The Rape of Helen***, which will look impressive at the head of the stairs back home... (Fraysn: 349)

В русском варианте романа полный перевод с небольшими синтаксическими изменениями также создает иронический смысл:

(10a) Майор Керт, знающий о живописи примерно столько же, сколько будет знать его сын (сына ему еще предстоит зачать после возвращения с фронта), не испытывает особых угрызений совести, когда **освобождает семью местного гауляйтера от бремени обладания "Еленой"**, которая будет очень неплохо смотреться над лестницей в родном Апвуде. (Фрейн: 320)

Следующий обмен репликами происходит на захваченном террористами круизном корабле. Террористы разделили пассажиров на три группы по национальному признаку, и собираются расстреливать по два человека в час до выполнения их требований, начиная с первой группы, куда входят американцы. Герой спрашивает о судьбе потерявшего свой паспорт британского подданного, которого террористы отказываются поместить во вторую группу, куда распределили его сограждан, и получает иронический ответ:

(11) 'What about Mr Talbot?'

'**He has become an honorary American.** Until he finds his passport.' (Barnes: 56)

В этом примере положительно коннотированное понятие *honorary American* используется эвфемистически и означает, что мистера Толбота будут считать американцем (а значит, возрастает угроза его жизни).

В русском варианте иронический эвфемизм передан с помощью эквивалента «почетный американец», но перевод не характеризуется контрфактичностью, которую *has become* вносит в оригинальный текст:

(11a) – А как с мистером Толботом?

– Он считается **почетным американцем**. Пока не найдет паспорт. (Барнс: 56)

Иронический эвфемизм *prostate examination* употребляется рассказчиком при описании тщательного досмотра, который животные проходили, прежде чем быть допущенными на ковчег:

(12) While Noah and his sons were roughly frisking the animals as they came up the gangway, running coarse hands through suspiciously shaggy fleeces and **carrying out some of the earliest and most unhygienic prostate examinations**, we were already well past their gaze and safely in our bunks. (Barnes: 10)

Личный досмотр, негигиеничный и, вероятно, унижительный, эвфемистически уподобляется медицинской процедуре, создавая характерную для иронии двуплановость.

В переводе использована экспликация, а имплицитный смысл оказывается полностью утрачен:

(12a) В то время как Ной с сыновьями грубо обыскивали поднимающихся по сходням животных, бесцеремонно прочесывая руками подозрительно длинную шерсть **и впервые в истории проверяя укромные места пассажиров (правила гигиены при этом, конечно, не соблюдались)**, мы уже были надежно скрыты от их взора и спокойно лежали в своих каютках. (Барнс: 12)

1.5. Сравнение

В следующем примере иронический эффект создается благодаря использованию сравнительного оборота:

(13) The wisest doctors of our Church for many centuries have examined every verse of the Holy Scripture **just as Herod's soldiers searched for innocent children**, and they have found no chapter, no line, no phrase wherein there is mention of the woodworm. (Barnes: 86)

Ироническая интенция в этом случае принадлежит имплицитному автору произведения, поскольку текст не дает оснований подозревать персонажа в желании бросить тень на теологов, которых он нелестно сравнивает с воинами Ирода. Желая подчеркнуть тщательность богословов, он уподобляет их ревностным воинам царя Ирода, разыскивающим младенца Иисуса. Однако использование резко отрицательного образа бросает тень на объект сравнения, что позволяет реконструировать имплицитную негативную оценку: например, *«подобно тому, как воины убивали невинных младенцев, теологи совершают насилие над текстом Писания»*. Кроме того, подобная реплика из уст набожного персонажа, испытывающего уважение к ученым церковникам, красноречиво говорит о его глупости.

Ироническое сравнение полностью передано в переводе, что дает возможность читателю русского текста декодировать имплицитный смысл и создает комический эффект:

(13a) Наиученейшие мужи нашей Церкви в течение многих веков изучали каждый стих Священного Писания, **словно воины Ирода, разыскивающие невинных младенцев**, и не нашли ни единой главы, ни единой строки, ни единой фразы, где упоминалось бы о древесных червях. (Барнс: 81-82)

Функциональное соответствие оригинала и перевода позволяет говорить о достижении эквивалентности.

1.6. Риторический вопрос

Анализ отобранного языкового материала показал, что риторический вопрос часто используется иронизирующим для намека на неправдоподобность или абсурдность того или иного мнения или утверждения.

В данном примере в ироническом вопросе проявляется скептическое восприятие вежливого клише собеседника:

(14) 'Glad to meet you at last,' he says. 'I've heard so much about you both.'

'From Mr. Skelton?' asks Kate. **Though why not?** A man who understands your

sewerage might have a lot he could tell about you.

‘From everyone.’ **Everyone? The woman in the paper shop, who knows which papers we take? Charlie Till, who knows what size of free-range eggs we prefer?**

‘We’re all so pleased to have you down here. Great bonus.’ (Frayn: 10)

Рассказчик с женой незнакомы ни с кем в округе, поэтому типичная фраза *I’ve heard so much about you both* находит у него скептический отклик: никто здесь о них ничего не знает, за исключением нескольких тривиальных фактов. Поскольку такая реакция показалась бы посетителю невежливой, иронические вопросы персонаж задает во внутренней речи.

Вместо вопросительного предложения в переводе используется повествовательное, что, если не приводит к полной утрате иронии, то делает ее трудно уловимой:

(14a) – Рад, что мы наконец познакомились, – объявляет он. – Я много слышал о вас.

– От мистера Скелтона? – спрашивает Кейт. (**А почему бы и нет!** Человек, разбирающийся в вашей канализации, вероятно, многое может о вас рассказать.)

– Ото всех. – (**Ото всех? Значит, это продавщица в газетном киоске, которая знает, какие газеты мы покупаем. Чарли Тилл, которому известно, какого размера яйца деревенских кур мы предпочитаем.**)

– Мы все очень рады вашему приезду. Прекрасное дополнение к нашему обществу.
(Фрейн: 14)

Риторический вопрос может использовать аналогию. Например, герой не допускает возможности, чтобы жители Нидерландов в одночасье забыли о жестокости испанской армии, как только она покинула пределы их страны:

(15) **Had the people of Holland and Belgium stopped thinking about the German Occupation by 1948?** Kate’s being absurd. (Frayn: 295)

Испанское владычество приравнивается к немецкой оккупации, которую бельгийцы и голландцы не забудут никогда.

В русском варианте простое предложение передано сложным, причем главное предложение *Можно ли, например, представить* уже задает

отрицательный ответ, что приводит к потере иронии, невзирая на сохранение риторического вопроса:

(15a) Можно ли, например, представить, чтобы голландцы и бельгийцы забыли о немецкой оккупации уже к 1948 году? Предположение Кейт абсурдно. (Фрейн: 269)

1.7. Стилистический контраст

Стилистический контраст как средство репрезентации иронии связан с использованием в тексте лексических единиц, отличающихся в стилистическом отношении, например, сниженных слов или же слов, относящихся к высокому стилю:

(16) He cursed the son who had found him and decreed that all Ham's children should become servants to the family of the two brothers who had **entered his room arse-first**. Where is the sense in that? (Barnes: 20)

Введение в текст слова, принадлежащего к сниженной лексике (*arse-first*) вместо нейтрального (*backwards*), создает иронический смысл и демонстрирует критическое отношение к решению Ноя.

Стилистический контраст сохраняется в русском переводе, что обеспечивает передачу иронии:

(16a) Он проклял обнаружившего его сына и объявил, что все дети Хама должны стать слугами двух его братьев, вошедших к нему в комнату **вперед задницей**. По-вашему, это разумно? (Барнс: 22)

В следующем фрагменте, напротив, используется высокий регистр, причем для обозначения прозаичного имплицитного смысла:

(17) I might even bump into him, countryman to countryman, as I wander absent-mindedly along brooding on nominalism, and he strolls about his estate with a gun in the crook of his arm, **cogitating upon the life expectancy of pheasants and how to lower it**. (Frayn: 92)

В воображении герой использует для описания глагол *cogitate* («*think deeply about something; meditate or reflect*»), в то время как другие элементы

контекста (*with a gun in the crook of his arm, how to lower it*) дают понять, что для персонажа охота – гораздо более естественное занятие, чем глубокие размышления. Таким образом, слово *cogitate* вносит семантический и стилистический диссонанс, порождающий иронический эффект.

В переводе для создания контраста использованы слова, характерные для научного стиля (выявляя среднюю продолжительность жизни):

(17a) Я мог бы даже натолкнуться на него где-нибудь на природе, и вышла бы хрестоматийная встреча двух сельских жителей. Я вроде рассеянно брожу по округе, размышляя о номинализме, а он в это время патрулирует свои владения с ружьем в руке, **выявляя среднюю продолжительность жизни своих фазанов с твердым намерением ее снизить.** (Фрейн: 96)

Таким образом, диссонанс воспроизводится в переводе другими средствами, что позволяет говорить о передаче иронии.

1.8. Метафора

Ирония может выражаться метафорой, как в следующем примере, в котором герой уподобляет лужу перед входом в дом крепостному рву:

(18) A huge barking begins even before I've negotiated the protective moat in front of the door... (Frayn: 97)

Поскольку речь идет о доме крупного землевладельца, который время от времени сравнивается с лордом, метафора, создающая ассоциацию с замком, особенно органично встраивается в канву повествования. Вместе с тем эта шутовская номинация вносит иронический оттенок, поскольку ее имплицитный смысл может быть реконструирован как «огромная лужа, мешающая подойти к дому», что резко контрастирует с образом специально выстроенного защитного сооружения.

В переводе ирония утрачивается вследствие демегафоризации:

(18a) Пока я преодолеваю лужу, со двора доносится знакомый лай, и мне снова приходится противостоять приветственному напору собак. (Фрейн: 101)

Представляется, что в данном случае метафору можно было сохранить:

Я еще не успел преодолеть защитный ров перед входной дверью, как со двора доносится громкий лай...

В следующем примере герой пытается убедить главаря террористов в том, что одна из пассажирок – его жена, и, вероятно, для правдоподобия добавляет *My third wife, actually*:

(19) 'Your wife?' The man looked at a list of passengers in front of him. 'You have no wife.'
'Yes I do. She's travelling as Tricia Maitland. It's her maiden name. We were married three weeks ago.' Franklin paused, then added in a confessional tone, *'My third wife, actually.'*
*But the Arab seemed unimpressed by **Franklin's harem**. (Barnes: 54)*

Рассказчик иронически называет трех жен Франклина его гаремом. Метафора основывается на обыгрывании семантики сочетания *third wife*, которое может означать *третья жена полигамного мужчины*. При этом метафора гарема может также быть интерпретирована как гипербола.

Полный перевод с небольшими грамматическими трансформациями сохраняет метафору:

*(19a) Но **франклиновский гарем**, кажется, не произвел на араба никакого впечатления. (Барнс: 54)*

Таким образом, для выявленных в рассмотренных текстах иронических метафор характерно преувеличение.

1.9. Игра слов

В иронических каламбурах наиболее ярко проявляется игровой характер иронии.

В следующем примере иронически обыгрывается внутренняя форма слова «God-fearing». При словарном значении «*earnestly religious*» в предложении раскрывается буквальная интерпретация композита («боящийся бога»):

(20) Noah, as you will have been told many times, was a very God-fearing man; and given the nature of God, that was probably the safest line to take. (Barnes: 13)

Вторая часть предложения, намекая на страх, который Ной испытывал перед всемогущим и непредсказуемым богом, заставляет читателя пересмотреть смысл, который вкладывается в слово «God-fearing»: «искренне верующий» Ной оказывается прагматиком, послушным всевышнему скорее из инстинкта самосохранения.

Русский текст позволяет прийти к той же импликации, что и оригинал (Бог непредсказуем и лучше не вызывать его гнев):

(20a) Ной, как вам говорили много раз, был очень богобоязненный человек; и, пожалуй, принимая в расчет характер Бога, вы не могли бы избрать более безопасную линию поведения. (Барнс: 15)

Поскольку русское прилагательное «богобоязненный» позволяет таким же образом развить значение этой лексической единицы, игра слов, а также иронический эффект сохраняются в переводе.

1.10. Цитационная ирония

В качестве способа выражения иронии можно выделить цитацию, заключающуюся в повторе (полном или частичном) реплики, причем ироник зачастую стремится выразить отрицательное отношение (насмешку, скепсис и др.) к прецедентному высказыванию. Данный способ актуализации иронии в наибольшей мере соответствует концепции иронии как эха.

В некоторых случаях персонажи репрезентируют точку зрения, с которой не согласны, помещая ее в контекст, который позволяет продемонстрировать ее неправоту:

(21) And any number of beasts, with a perfectly good legal argument for being a separate species, had their claims dismissed. **No, we've got two of you already, they were told. Well, what difference do a few extra rings round the tail make, or those bushy tufts down your backbone? We've got you. Sorry.** (Barnes: 8)

Учитывая то, что в предтексте поясняется обоснованность доводов животных, вопрос *what difference do a few extra rings round the tail make?..* звучит

иронически и служит указанием на невежество проводивших отбор.

В переводе вопросительное предложение меняется на восклицательное, что несколько меняет экспрессивность высказывания, не затрагивая при этом иронический смысл:

(21a) Были также отклонены заявки многих животных, которые имели основания считаться представителями особого вида. Нет, объясняли им, у нас уже есть двое ваших. Мало ли что у вас несколько лишних колец на хвосте или полоска пушистой шерсти вдоль хребта! Вы у нас уже есть. Извините. (Барнс: 10)

Высказывание-антецедент необязательно представлено в тексте, но может быть реконструировано, как в следующем примере:

(22) As soon as he saw the plovers turning white, he decided that they were sickening, and **in tender consideration for the rest of the ship's health** he had them boiled with a little seaweed on the side. (Barnes: 16)

Рассказчик косвенно обвиняет Ноя в лицемерии: в его версии событий, Ной использовал любой предлог, чтобы съесть то или иное животное. Фраза *in tender consideration for the rest of the ship's health*, отсылающая к официальной причине смерти птиц, окрашена ироническим недоверием.

В переводе позиция автора высказывания выражена более экспрессивно посредством добавлений (*обуреваемый* и *несчастных*), последнее из которых явно эксплицитно дает понять, на чьей стороне он находится:

(23a) Едва заметив белеющих ржанок, он решил, что они занедужили, и, **обуреваемый трогательной заботой о здоровье других пассажиров**, сварил **несчастных** птиц, слегка приправив их водорослями. (Барнс: 18)

Продолжая изобличать легенды о Ное, в частности, и склонность человека к приукрашиванию собственной истории вообще, рассказчик прибегает к ироническому цитированию:

(24) I gather that one of your early Hebrew legends asserts that Noah discovered the principle of intoxication by watching a goat get drunk on fermented grapes. What a brazen attempt to shift responsibility on to the animals; and all, sadly, part of a pattern. **The Fall**

was the serpent's fault, the honest raven was a slacker and a glutton, the goat turned Noah into an alkie. Listen: you can take it from me that Noah didn't need any cloven-footed knowledge to help crack the secret of the vine. (Barnes: 35)

Персонаж выражает неодобрительное отношение к стремлению человека переложить ответственность за свои проступки на бессловесных животных. Помимо предтекста, в котором возмущение по этому же поводу выражено буквально, ироническая интерпретация высказывания основывается на семантической противоречии (*the honest raven was a slacker*), а также стилистическом контрасте, который создает слово сниженного регистра *alkie*.

Полный перевод с небольшими грамматическими изменениями позволяет передать иронию:

(24a) Кажется, одна из ваших ранних еврейских легенд говорит, будто Ной открыл секрет алкоголя, наткнувшись на козла, хмельного от перебродившего винограда. Какая бесстыдная попытка переложить ответственность на животных; и это, как ни грустно, делается по привычной схеме. **В Грехопадении виноват змей, честный ворон – обжора и лодырь, козел превратил Ноя в алкаша.** Но можете мне поверить: чтобы открыть тайну виноградной лозы, Ной не нуждался в услугах парнокопытных. (Барнс: 36)

В следующем примере персонаж повторяет часть реплики своей жены, однако в его речи повторяемая фраза *trust them* приобретает импликацию с противоположным значением, что позволяет говорить об антифразисе:

(25) 'Why don't you ring up Sotheby's or Christie's?' I say. 'Get them to come down and take a look?'

'Because he doesn't trust them,' says Laura.

'Of course I **trust** them! I **trust them to take ten percent off me**, and another ten per off the poor mutt who buys it, and V.A.T. off both of us! Don't tell me Sotheby's. I sold the Strozzi at Sotheby's. Christie's? Gave them the Tiepolo.' (Frayn: 37)

В то время как слово «trust» означает «доверять, верить» («*to be confident that someone is honest, fair, and reliable*») и имеет сему

положительной оценки, в контексте данного высказывания оно имплицитно указывает на прямо противоположный смысл. Таким образом, ироническое использование глагола «trust» передает категорическое недоверие персонажа к аукционным домам.

По-видимому, в силу различий грамматической сочетаемости между глаголами «trust» и «верить», вместо повтора в переводе использовано синонимическое выражение «не иметь сомнений», при этом так же, как и в оригинале, прослеживается отсылка к предыдущей реплике. Однако в силу передачи имплицитного смысла во втором предложении (*Сдерут десять процентов с меня...*), оно утрачивает ироническую окраску:

(25a) – Позвоните в «Сотби» или «Кристи», – советую я. – Попросите их прислать своего специалиста.

– Он им не верит, – объясняет Лора.

– Как раз по их части у меня **нет никаких сомнений!** Сдерут десять процентов с меня, десять процентов с того несчастного остолопа, который картину купит, и еще НДС – с нас обоих! Хватит с меня «Сотби»! Я через них продавал Строщи. А «Кристи» я практически подарил Тьеполо. (Фрейн: 41)

1.11. Модальность неуверенности

Иронический эффект может возникать в результате использования модальности, сигнализирующей неуверенность, при утверждении, в котором иронизирующий не сомневается или наоборот:

(26) **Not much chance** of this particular member of this particular tribe watching British telly the same night Fish Sparks was. (Barnes: 243)

В данном случае легко реконструируется подтекст: совершенно исключено, чтобы член туземного племени смотрел британское телевидение не только в определенный вечер, но и вообще когда-либо. Включение вероятностной модальности (*not much chance*) создает иронический смысл.

Перевод также характеризуется контрастом между имплицитной

уверенностью говорящего и внесенной словом *маловероятно* модальностью:

(27a) **Маловероятно**, чтобы именно этот туземец именно из этого племени смотрел британскую программу в тот же самый вечер, что и радист Рыба. (Барнс: 224)

1.12. Несобственно-прямая речь

Несобственно-прямая речь, как отмечает С. И. Походня, служит «действенным средством создания иронического смысла», являясь по сути непрямой цитацией (Походня 1984: 143). Это средство заключается во включении элементов, отражающих мысли или чувства других персонажей в речь лица, от которого ведется повествование.

В данном примере в описании картины есть вкрапления, указывающие на восприятие изображенных на ней людей, в то время как автор явно занимает «остраненную» позицию:

(28) Beyond the next window the eager crowds stream out of a little walled Flemish town on a brisk spring day, on their way to Calvary to watch **what promises to be a highly enjoyable triple crucifixion**, turning with wide-eyed fascination as they realize that the principal performers are travelling alongside them, the two thieves **gratifyingly white-faced with terror** in the tumbril, Christ on foot, **piquantly collapsing** beneath the weight of the cross. (Frayn: 59-60)

Наречия *piquantly* и *gratifyingly*, включенные в прямую речь лица, от которого ведется повествование, явно описывают точку зрения изображенной на полотне толпы, которая относится к распятию на кресте как увлекательному зрелищу и с удовольствием смотрит на страдания идущих на казнь.

Переводчик значительно преобразует языковое содержание оригинала, прибегая, в числе прочих трансформаций, к опущению и экспликации, что приводит к утрате совмещения точек зрения и, соответственно, иронии в русском тексте:

(28a) За следующим окном – весна, небо проясняется, и жители фламандского городка высыпали за крепостные стены **в поисках развлечений**. И не напрасно, потому что

трех преступников сегодня казнят на кресте. Некоторые зеваки с радостным удивлением осознают, что главные участники представления находятся совсем рядом. Двоих разбойников с белыми от ужаса лицами везут в повозке, а Христу приходится идти пешком, спотыкаясь под тяжестью креста, что очень потешает толпу. (Фрейн: 61)

Примечательно, что слово *piquantly* эксплицируется в виде придаточного предложения *что очень потешает толпу*, что свидетельствует о реконструкции переводчиком субъекта-экспериенцера, чье восприятие отражено в семантике наречия, подтверждая интерпретацию этого включения как несобственно-прямой речи.

1.13 Лексический повтор

Помимо иронических высказываний, в рамках исследования были выявлены примеры иронических контекстов, близкие к типу текстовой иронии, который С. И. Походня называет ассоциативной. Данный тип иронии отличается тем, что имплицитные значения реализованы в мегаконтексте и возникают постепенно (Походня 1984: 101).

Одним из средств создания иронического смысла в следующем примере является повтор слова *normal*:

(29) ...emigrants from Germany were permitted to take with them no more than a nominal ten Reichsmarks. This enforced poverty made them easier targets for propaganda: if they left with no more than their allowance, they could be portrayed as shabby Untermenschen scuttling away like rats; if they managed to outwit the system, then they were economic criminals fleeing with stolen goods. **All this was normal.** The St Louis was flying the swastika flag, **which was normal**; its crew included half-a-dozen Gestapo agents, **which was also normal.** The shipping line had instructed the captain to lay in cheaper cuts of meat for this voyage, to remove luxury goods from the shops and free postcards from the public rooms; but the captain largely circumvented such orders, decreeing that this journey should resemble other cruises by the St Louis and **be, as far as possible, normal.** So when the Jews arrived on board from a mainland where they had been despised, systematically humiliated

and imprisoned, they discovered that although this ship was legally still part of Germany, flew the swastika and had large portraits of Hitler in its public rooms, the Germans with whom they had dealings were courteous, attentive and even obedient. **This was abnormal.** (Barnes: 216-217)

При этом контекстуальное значение слова *normal* меняется в зависимости от смены точки зрения: если первые три раза подразумеваются порядки, заведенные в нацистской Германии, которые автор осуждает, то *as far as possible, normal* отсылает к точке зрения человеческого капитана корабля, причем в конце фрагмента точка зрения снова переключается, порождая противоречие на лексическом уровне: норма и отклонение от нее в мире нацистов оказываются перевернуты. При этом противоречие снимается на уровне подтекста: *normal* (с точки зрения капитана и автора) = *abnormal* (с точки зрения нацистов). Лексический повтор не только акцентирует ненормальность ситуации и выступает средством выражения авторской оценки, но и служит задачам когезии, оформляя целостность текста.

В переводе количество повторов уменьшено, в результате чего перестает прослеживаться иронический контраст:

(29a) ...эмигрантам из Германии разрешено было брать с собой только ничтожную сумму в десять рейхсмарок. Эта вынужденная бедность делала их более удобной мишенью для пропаганды: если они уезжали из страны, захватив с собой указанную сумму, их можно было изображать нищими Untermenschen, которые разбегаются, точно крысы; если им удавалось перехитрить систему, тогда они были экономическими преступниками, удирающими с награбленным добром. **Все это было в порядке вещей.** Над «Сент-Луисом» развевался флаг со свастикой, что было в порядке вещей; его команда включала в себя полдюжины гестаповских агентов, **что тоже было в порядке вещей.** Судходная компания велела капитану закупить для этого рейса мясо подешевле, убрать из продажи на борту предметы роскоши, а из комнат общего пользования – бесплатные почтовые открытки; но капитан великодушно обошел эти приказы, заявив, что путешествие должно быть похожим на

прочие рейсы «Сент-Луиса», то есть выглядеть, насколько это возможно, **обычным**. Поэтому евреи, прибывшие на лайнер с материка, где их не считали людьми, систематически унижали и арестовывали, неожиданно обнаружили, что, хотя корабль формально является частью Германии, хотя над ним реет фашистский флаг и повсюду висят большие портреты Гитлера, немцы, с которыми им приходится иметь дело, любезны, внимательны и даже услужливы. **Такого порядок вещей не предусматривал.** (Барнс: 200)

Normal передано как *в порядке вещей*, что делает подтекст более эксплицитным и обеспечивает когезию, однако не выражает авторской оценки. Таким образом, функционально русский перевод не полностью соответствует оригинальному тексту.

2. Логико-семантическая стратегия

Данная стратегия подразумевает формирование иронического смысла за счет логического несоответствия между элементами высказывания или противоречия высказывания картине мира коммуникантов. Критическое отношение к объекту иронии формируется на основе когнитивного диссонанса или алогичности связей (Солодилова 2014: 126).

2.1. Абсурдная ирония

Иронический подтекст может возникать в результате моделирования контрфактической ситуации, которая расходится с представлениями коммуникантов о положении дел или вероятном развитии событий.

В следующем примере рассказчик размышляет о том, что побудило другого персонажа, Тони Керта, искать с ним знакомства:

(30) Or could it be my professional advice that he wants? **My opinions as a philosopher on some epistemological question that's come to haunt him? Can he ever truly know that his tenants have feelings? Is everything around him – his estate, his brown checked jacket, his Land Rover – really a dream?** (Fraysn: 13)

Задавая гипотетические вопросы, рассказчик рисует образ своего соседа, Тони Керта, погруженного в рассуждения картезианского типа, что резко контрастирует с образом персонажа-представителя класса «*landed gentry*», учитывая обычно приписываемое им пренебрежение к интеллектуалам. Аллюзии на «Рассуждение о методе» философа-рационалиста Р. Декарта накладываются на атрибуты социокультурного стереотипа (*estate, tenants, brown checked jacket*), создавая иронический план: импликация состоит в том, что подобные предположения нелепы, поскольку Тони Керт не способен на философскую рефлексию.

Воспроизводство иронического смысла в русском переводе осложнено тем, что переводящая культура не обладает аналогичным социокультурным стереотипом, однако реконструкция иронического смысла возможна на основе предшествующего описания персонажа:

(30a) Или ему нужен мой профессиональный совет? **Мое мнение философа по какому-нибудь вопросу эпистемологии, донимающему его с недавних пор? Что теория познания говорит о наличии чувств у его арендаторов? А вдруг все вокруг него: поместье, «лендровер» – на самом деле сон?** (Фрейн: 17)

В следующем примере рассказчик излагает воображаемый диалог, который носит крайне неправдоподобный характер. Персонаж замышляет аферу, которая позволит ему выманить у своего соседа картину, скрыв ее подлинную ценность, и опасается последствий, которые наступят, когда станет известна правда о его поступке. Однако вместо того, чтобы трезво оценить ситуацию, герой рисует себе сцену, в которой его сосед ведет себя совершенно нетипичным образом:

(31) 'But this puts me in a terrible position!' he cries. **'It's one thing ripping off some unknown Belgian. But a neighbour... a penniless academic... a personal friend who went out of his way to make himself helpful... Why didn't you tell me?'**
Why didn't I tell him? **For a very good and honourable reason.**

'Because I know you,' I say. '**You'd have refused to accept the money. You'd have insisted on selling it to me for £2,000.**' (Frayn: 115)

Воображаемая реакция персонажа резко контрастирует с реальным развитием событий, которое можно прогнозировать в подобной ситуации, что придает этой фантазии иронически-комичный характер. При этом во фрагменте содержатся антифрастические элементы (*went out of his way to make himself helpful, For a very good and honourable reason*), которые интерпретируются как таковые на основании широкого контекста.

Перевод эксплицитного содержания данного фрагмента вместе с тем обеспечивает передачу иронии, поскольку сохраняется диссонанс между фантазиями героя и представлением о реакции человека, который узнал, что его обманули:

(31a) «Но вы ставите меня в ужасное положение! – воскликнет он. – **Одно дело – облапошить какого-то бельгийца. Но своего соседа... ученого без гроша за душой...** в конце концов, близкого друга, **который так много для меня сделал...** Ну почему вы мне не сказали сразу?»

Почему не сказал? **По одной простой и возвышенной причине.**

«Потому что я слишком хорошо вас знаю, – отвечу я. – **Вы бы тогда не взяли денег. Вы бы настояли, чтобы я купил ее у вас за две тысячи вместо двадцати**». (Фрейн: 109)

Незначительные добавления (*в конце концов, вместо двадцати*) не влияют на соотношение смыслов.

2.2. Логическое противоречие

Иронии свойственна такая черта, как парадоксальность, которая проявляется при нарушении логических связей внутри высказывания. Так, герой объясняет свои затруднения при понимании схемы продажи произведения искусства тем, что он не такой «простой сельский житель», как его собеседник:

(32) I find all this remarkably difficult to follow, **not being a simple countryman like him**.

(Barnes: 104)

Алогичность экспликации высказывания подводит читателя к тому, чтобы интерпретировать предложенное объяснение скептически: на самом деле «сельский житель» не прост, а напротив, разбирается в финансовых вопросах, чего не ожидал рассказчик.

В данном случае в переводе, по сравнению с оригинальным текстом, наблюдается существенное лексическое изменение:

(32a) Я бессмысленно смотрю на него. Наверное, **мне не хватает его сельской смекалки**, потому что я почти ничего не понял. (Барнс: 99)

Замена *simple countryman* на *сельскую смекалку*, однако, не приводит в полной утрате иронии, поскольку *смекалка*, к тому же *сельская*, не подразумевает способности к сложным рациональным расчетам.

Во многих случаях можно говорить о конвергенции средств создания иронического смысла. Так, в следующем примере нелогичность становится только одним из таких средств:

(33) Everything here was **different and therefore better**: the stiff-backed brass taps, the cut of the banister, the genuine oil-paintings (**we had a genuine oil painting too, but not as genuine as that**), the library which **somehow was more than just a roomful of books**, the furniture old enough to have woodworm in it, and the casual acceptance of inherited things.
(Barnes: 204)

Повествование ведется от лица зрелого рассказчика, который рассказывает о поре своей юности, когда он познакомился с некой семьей, чей дом и образ жизни произвел на него большое впечатление в сравнении с родным домом. Иронический эффект вводится не вполне логичным заключением *different and therefore better*: как кажется 18-летнему юноше, все в доме лучше, потому что оно другое. При этом последующий контекст заставляет подвергнуть сомнению оценку *different*: речь идет не о подлинных отличиях, а скорее о тонких, едва уловимых градациях, возможно, даже надуманных. В описании картины маслом

(дома картина «не такая подлинная») ирония возникает за счет синтаксической структуры (слово «genuine», как и слово «подлинный» в значении «truly what something is said to be; authentic» не предполагает градации). Все эти средства позволяют создать ироническую дистанцию между рассказчиком, который передает впечатления 18-летнего юноши, которым он тогда был, но смотрит на них «остраненным» взглядом.

В переводе сохраняется как логическая противоречивость, так и нарушение грамматической нормы (*но она была не такая подлинная*):

(33a) **Все здесь было другим и потому лучшим**: горделивые латунные краны, форма перил, подлинные работы маслом (**у нас тоже имелась подлинная работа маслом, но она была не такая подлинная**), библиотека, которая **по непонятной причине казалась чем-то большим, нежели просто набитой книгами комнатой**, мебель, достаточно старая для того, чтобы в ней завелись древесные черви, и беззаботное приятие унаследованных вещей. (Барнс: 188)

Далее в тексте точки зрения юноши и рассказчика продолжают соединяться:

(34) His decrepitude – the historically stained clothes, that dangle of egg-white slobber from the chin – set off in me a general adolescent anger against life and its inevitable valedictory condition; a feeling which **smoothly translated itself into hatred of the person undergoing that condition**. His daughter fed him on tins of baby food, which again confirmed for me the sour joke of existence and the particular **contemptibility of this old man**. (Barnes: 205)

Помимо презрения 18-летнего юноши к старику в тексте прочитывается и иронически дистанцированная позиция рассказчика. Фразы *inevitable valedictory condition* и *the person undergoing that condition* представляют персонажа скорее как безвинную жертву законов жизни, и на этом фоне чувство досады на жизнь может быть оправданно. Однако словосочетание *smoothly translated* воспринимается как ироническое: если герой испытывает ненависть, то ее причины кроются не в старости персонажа, а в недостатке гуманизма и

человечности у самого героя. Подобный вывод подтверждается использованием слова *contemptibility*, которое предполагает заслуженность. Таким образом, семантические и логические противоречия в тексте служат основанием для иронической интерпретации. Вместе с тем данный пример можно трактовать как случай несобственно-прямой речи, окрашенной ироническим отношением автора.

Небольшие изменения в русском переводе вносят изменения в тон фрагмента:

(34a) Его дряхлость – одежда, заляпанная невесть в какую давнюю пору, слюни, свешивающиеся с подбородка, как взбитый белок, – породила во мне естественную юношескую досаду на жизнь и на неизбежные признаки ее заключительного этапа: чувство, которое **легко переходит в ненависть** к носителю этих признаков. Дочь кормила его детскими консервами, что опять-таки подтверждало для меня издевательский характер существования и особую **презренность этого человека**.
(Барнс: 189)

Прилагательное *general* («*affecting or concerning all or most people or things; widespread*») передано словом *естественный*, а глагол *translate* в форме прошедшего времени переводится глаголом в настоящем времени, в результате чего создается впечатление, что, по мнению автора, для юношей в принципе естественно ненавидеть глубоких стариков.

Нелогичность служит сигналом иронии в следующем примере, в котором речь идет о картинах, подаренных жителями Антверпена своему правителю:

(35) They seem to be intended as a kind of **thank-offering** to Ernst from Antwerp **to show its gratitude to Spain for having sacked the city twice through the good offices of Ernst's predecessors**, the Duke of Parma and the Duke of Alva. (Frayn: 168)

На уровне эксплицитного высказывания горожане благодарят испанских наместников за разграбление города, что нарушает привычные ожидания: благодарность выражается за поступок, который с точки зрения благодарящего оценивается как положительный. Очевидно, что рассказчик ироничен и,

вероятно, стремится привлечь внимание читателя к абсурдности ситуации, когда жители города вынуждены не только терпеть гнет властей, но еще и принимать вид благодарных подданных.

В переводе логико-семантическое противоречие воспроизведено с небольшими изменениями:

(35a) Похоже, так горожане решили **отблагодарить** Испанию за то, что город дважды был разграблен во время славного правления предшественников Эрнста – герцога Пармского и герцога Альбы. (Фрейн: 158)

По-видимому, чтобы избежать тавтологии, фраза *through the good offices*, значение которой точнее можно было бы передать как *благодаря посредничеству*, была переведена словосочетанием во время славного правления, также наделенным положительной оценочностью, вносящей иронический диссонанс в структуру высказывания.

В следующем примере рассказчик выражает свою реакцию на предложение другого персонажа, которую можно охарактеризовать как ироническое удивление:

(36) I see. What I *think* he's saying is that since I'm a personal friend, and have somehow managed to find him a particularly satisfactory purchaser who may for obscure reasons be prepared to offer a top price even in the most dubious circumstances, and since I'm also prepared to risk prosecution for avoiding VAT, he'll pay me half of what he would pay a dealer. (Frayn: 104-105)

Автор высказывания излагает суть предложения таким образом, что демонстрирует несоответствие вознаграждения усилиям, затраченным с его стороны. Иронический смысл возникает в результате асимметрии причины и следствия: детализированное описание всех хлопот рассказчика контрастирует с готовностью другого героя заплатить ему лишь половину от суммы, которую он бы заплатил постороннему человеку за меньшую работу.

В русском варианте логическое противоречие не только воссоздано, но усилено добавлением (*в благодарность*), подчеркивающим иронический посыл

ВЫСКАЗЫВАНИЯ:

(36a) Вот оно что. Если я правильно понял, то, раз я его близкий друг и с таким трудом нашел ему хорошего покупателя, который по неизвестным причинам готов предложить максимальную цену даже при столь подозрительных обстоятельствах, и раз я рискую подвергнуться судебному преследованию за уклонение от уплаты налогов, то **в благодарность** он предлагает мне половину того, что ему пришлось бы заплатить маклеру. (Фрейн: 99)

Посредством нарушения логической структуры высказывания может актуализироваться иронический намек:

(37) Though what he means by her giving them to him I don't know. She couldn't speak to anyone by that time – she couldn't move! Anyway, he hitched up the trailer when he went to see her, **so he must have been clairvoyant**. (Frayn: 194)

Не выражая этого прямо, героиня дает понять, что с недоверием относится к заявлениям мужа о том, что мать подарила ему картины. Изложенные ей факты – мать была не в состоянии отдать что-либо в дар, герой взял с собой прицеп – свидетельствуют о том, что герой лжет. Однако вместо напрашивающегося вывода героиня иронически заключает *so he must have been clairvoyant*, что нарушает ход рассуждения.

В переводе имплицитные смыслы частично подвергаются экспликации:

(37a) Хотя трудно поверить, что она просто так взяла и отдала их ему. Она к тому моменту уже не могла ни говорить, ни двигаться! Но прежде чем отправиться к ней, он присоединил к «лендроверу» прицеп и натянул над ним брезент, как будто знал, что ему придется везти, – **каков провидец!** (Фрейн: 179)

Эксплицированы подтекст первого предложения (*трудно поверить*) и подразумеваемый смысл *clairvoyant* (*как будто знал, что ему придется везти*). Иронический эффект локализован в комментарии, которым героиня завершает свои рассуждения: восклицание *каков провидец!* контрастирует с изложенными ей фактами.

Выводы по главе II

1. Анализ выявленных в результате сплошной выборки иронических контекстов показал, что ирония может быть выражена как явным противоречием на уровне семантики, так и скрытым противопоставлением точек зрения персонажа и автора.
2. Можно выделить два типа стратегий, лежащих в основе создания иронического эффекта, – лексико-семантическую и логико-семантическую. Первая охватывает приемы, связанные с нарушением узувальных или стилистических норм, в то время как вторая объединяет случаи намеренного нарушения логики и искажения картины мира.
3. Четкое разделение высказываний на группы в зависимости от средств актуализации иронии осложнялось конвергенцией, т.е. комплексным использованием способов создания иронического смысла.
4. Наиболее широко в рассмотренных художественных произведениях были представлены стилистические средства актуализации иронического смысла – антифразис, гипербола, литота, эвфемизм, риторический вопрос и др. Логико-семантические тактики представлены абсурдной иронией, при которой иронический смысл реализуется посредством моделирования контрфактичных ситуаций, а также логическим противоречием.
5. Сопоставительно-переводоведческий анализ иронических высказываний показал, что соотношение эксплицитного и имплицитного смыслов в оригинале и переводе может значительно изменяться, вплоть до полной экспликации иронического подтекста. Стратегия переводчиков в большинстве случаев была направлена на достижение функциональной эквивалентности при сохранении стилистического и экспрессивного своеобразия оригинального текста.
6. В силу особенностей способа реализации иронии перевод высказываний, включенных в первую группу, оказался более сложным для передачи на

русский язык. При переводе иронических высказываний логико-семантического типа полный перевод (с незначительными лексическими и грамматическими преобразованиями, если они требовались), как правило, обеспечивал воссоздание иронического смысла на языке перевода.

Заключение

В рамках данного исследования была предпринята попытка охарактеризовать средства создания иронического смысла на материале иронических высказываний в современных британских романах, а также рассмотреть особенности перевода таких высказываний с английского языка на русский.

Проведенный в Главе I обзор лингвистических теорий иронии, а также ключевых факторов возникновения иронического смысла, позволил установить признаки высказываний, содержащих иронию: объединение в одном высказывании эксплицитного и имплицитного смыслов, как правило, имеющее целью выражение оценочного отношения; метареферентация в высказывании «чужого» мнения, служащего объектом авторской оценки; высокая степень зависимости смысла высказывания от разных типов контекста.

В Главе II представлен анализ языкового материала, отобранного методом сплошной выборки из романов «Одержимый» М. Фрейна и «История мира в 10 ½ главах» Дж. Барнса. Всего с учетом переводов на русский язык было выявлено 272 высказывания, содержащих иронию (136 на английском языке и 136 на русском), 74 из которых представлены в тексте диссертации.

На основании анализа примеров были выделены две главные стратегии создания иронического смысла – лексико-семантическая и логико-семантическая, – которые легли в основу классификации иронических высказываний. Первая связана с нарушением узувальных или стилистических норм, в то время как вторая достигается созданием когнитивного диссонанса в результате намеренного нарушения логики или отклонения от картины мира. В преобладающем большинстве рассмотренных высказываний для реализации иронии использовались стилистические приемы, самым широко представленным из которых оказался антифразис, представляющий собой прототипическое средство актуализации иронического смысла. Логико-

семантические тактики представлены абсурдной иронией и логическим противоречием.

Сопоставление оригинальных текстов и переводов показало, что стратегия перевода иронии направлена на передачу, насколько это возможно, вступающих в противоречие эксплицитного и имплицитного смыслов с сохранением соотношения между ними, что служит условием достижения эквивалентности. В зависимости от лингвистических особенностей оригинала, переводчик может прибегать к частичной или полной экспликации подтекста вплоть до утраты иронического смысла в переводе.

Предложенная классификация носит предварительный характер, поскольку исследование было проведено на языковом материале сравнительно небольшого объема, и потому сделанные выводы не могут претендовать на окончательность, в связи с чем представляется желательным дальнейшее исследование средств выражения иронии с привлечением большего корпуса лингвистических данных.

Список использованной литературы

- 1) Арнольд И.В. Стилистика английского языка. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 304 с.
- 2) Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 388 с.
- 3) Атаева Е.В., Малышева Д.С. О функционировании дискурсивных слов в речи молодежи. // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. Иваново, 2009. № 4. С. 209–215.
- 4) Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. – Т. 2 / М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006.
- 5) Виноградов В. С. Перевод. Общие и лексические вопросы. – М., 2004. – 235 с.
- 6) Веселова. Н.В. Ирония в политическом дискурсе. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2003. – 16 с.
- 7) Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. – 246 с.
- 8) Ермакова, О. П. Ирония и её роль в жизни языка. – Калуга: Изд-во Калуж. пед. гос. ун-та, 2005. – 202 с.
- 9) Казакова Т. А. Практические основы перевода. — СПб: Союз, 2001. — 320 с.
- 10) Клепикова Т. А. Лингвистические метареферентации // Известия РГПУ им. А.И. Герцена № 66 / 2008. с. 47 – 53.
- 11) Клименко Т. Н. Типы и текстообразующие функции иронических контекстов (на материале романов-антиутопий): Дисс. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2007. – 235 с.
- 12) Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 1999. — 188 с.
- 13) Орлов М. Ю. Textoобразующая ирония в русской и англоязычной прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2005. –17 с.
- 14) Походня С. И. Языковые средства выражения иронии в англоязычной художественной прозе (на материале английской и американской

- художественной литературы конца XIX-XX веков): дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1984. – 217 с.
- 15) Ретунская, М.С. Английская аксиологическая лексика: Дис. ... док. филол. наук: Нижний Новгород, 1998. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dissercat.com/content/angliiskaya-aksiologicheskaya-leksika> (дата обращения: 25.04.17)
  - 16) Сеничкина Е. П., Никитина И. Н. Иронические эвфемизмы как примета времени. // Альманах современной науки и образования / Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. III. С. 199 – 201.
  - 17) Солодилова И. А. Оценочность иронических смыслов. // Вестник ОГУ №11 (172) / ноябрь 2014 с. 121 – 127. [Электронный ресурс] URL: http://vestnik.osu.ru/2014_11/24.pdf (дата обращения: 25.04.17)
  - 18) Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
  - 19) Успенский Б.А. Поэтика композиции. – М.: Искусство, 1970. – 256 с.
  - 20) Фомичева Ж.Е. Интертекстуальность как средство воплощения иронии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 1992. – 19 с.
  - 21) Чугуненкова Г.Н. Ирония и сатира как типы поэтического смысла: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2007. – 21 с.
  - 22) Шилихина К.М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: Дис. док. филол. наук: Воронеж, 2014. – 399 с.
  - 23) Attardo S. Irony as relevant inappropriateness. // Journal of Pragmatics 32: p. 793–826. 2000. doi: [10.1016/S03782166\(99\)000703](https://doi.org/10.1016/S03782166(99)000703)
  - 24) Attardo S. Intentionality and irony // Irony and Humor: From pragmatics to discourse ed. by Gurillo and Ortega John Benjamins Publishing 2013. – p. 39–59.
  - 25) Barbe, K. Irony In Context. – Amsterdam, NLD: John Benjamins Publishing Company, 1995. – 206 p.

- 26) Booth W. C., *A rhetoric of irony*. – Chicago; London: Univ. of Chicago press, 1974. – 292 p.
- 27) Chakhachiro R. *Analyzing Irony for Translation // Meta: Translators' Journal*, vol. 54, n° 1, 2009. – p. 32-48.
- 28) Clark H.H. and Gerrig R. J. *On the Pretense Theory of Irony // Journal of Experimental Psychology* 1984, Vol. 113, N 1. – p. 121-126.
- 29) Clift R. *Irony in Conversation // Language in Society* 28, 1999. – P. 523 – 553.
- 30) Colebrook C. *Irony: The New Critical Idiom*. – London and New York: Routledge, 2004. – 202 p.
- 31) De Wilde J. *The analysis of translated literary irony: some methodological issues // K. Lievois and P. Schoentjes (eds), Translating Irony. Antwerp: Linguistica Antverpiensa. P. 25-44.*
- 32) Giora R. *On irony and negation // Discourse Processes*, 19:2, 1995. – P. 239-264
- 33) Grice P. *Studies in the Way of Words*. – Harvard University Press, 1995. – 406 p.
- 34) Haiman, J. *Talk Is Cheap: Sarcasm, Alienation, and the Evolution of Language*. – Cary, NC, USA: Oxford University Press, USA, 1998. – 220 p.
- 35) Happé F., *Theory of Mind and Communication in Autism*. – University College London, 1991.
- 36) Hirsch G. *Who is the victim? When the addresser of the echoed utterance and the target of the irony differ. // Text&Talk*, 2017; 37(2): p. 189–211. DOI 10.1515/text-2017-0003
- 37) Hutcheon L. *Irony's Edge: The Theory and Politics of Irony*. – London and New York: Routledge, 1994. – 243 p.
- 38) Klonowska B. *Irony as the principle of constructing a character: Beryl Bainbridge's Young Adolf. [Электронный ресурс] // Characters in Literary Fictions*, ed. by Jadwiga Wegrodzka, Peter Lang GmbH, 2015. p. 256-267. // URL: <https://ebookcentral.proquest.com/lib/stpeterst/detail.action?docID=2064154>. (дата обращения: 20.04.17)

- 39) Kotthoff H. Responding to irony in different contexts: on cognition in conversation. // Journal of Pragmatics 35 (2003). – p. 1387–1411.
- 40) Leech G. A Linguistic Guide to English Poetry. – NY: Longman, 1991. – 237 p.
- 41) Lodge, D. The Art of Fiction. – New York, London: Penguin Books Ltd, 1994. – 256 p.
- 42) Muecke D. C. Irony and the Ironic. – London; New York: Methuen, 1982. – 110 p.
- 43) Partington A. The Linguistics of Laughter. – Routledge, 2006. – 262 p.
- 44) Sperber D., Wilson D. Meaning and Relevance. – Cambridge, 2012. – 395 p.
- 45) Sperber D., Wilson D. Irony and the use-mention distinction // Cole, P. (ed.). Radical Pragmatics. New York: Academic Press: 1981, p. 295-318.
- 46) Wilson D. Irony and Metarepresentation // Metarepresentations: A Multidisciplinary Perspective. Ed. By Sperber D. – OUP, USA, 2000, p. 183-226.

Словари и справочники

- 47) Concise Encyclopedia of Pragmatics, ed. By Mey J. L. – Elsevier, 2009.
- 48) Wales K. A Dictionary of Stylistics. – Pearson Education Limited, 2001.
- 49) Oxford Dictionaries <https://en.oxforddictionaries.com/>

Список художественной литературы

- 50) Барнс Дж. История мира в 10 ½ главах. – М.: АСТ, 2005. – 348 с.
- 51) Фрейн М. Одержимый. – М.: Торнтон и Сагден, 2002. – 358 с.
- 52) Austen J. Pride and Prejudice. – W. W. Norton & Company, 2001.
- 53) Barnes J. A History of the World in 10 1/2 Chapters. – Picador, 2005. – 373 p.
- 54) Frayn M. Headlong. – Faber and Faber, 1999. – 394 p.

Электронные ресурсы

- 55) British National Corpus <http://corpus.byu.edu/bnc/>

